

ЛІТЕРАТУРНА ВІТАЛЬНЯ

УДК 82-94

Н.Р. МАЛИНОВСКАЯ,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории зарубежной литературы
филологического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация)*

ПАМЯТЬ-СНЕГ

И память-снег летит и пасть не может
Давид Самойлов

Никогда не знаешь, что запомнится даже из того дня, что, считается, врезано в память целиком. Помнишь другое – рядом, после. Пустой дом наутро после похорон, очки на краю стола. (Машинально: «Надо сдвинуть, разобьются. – Разобьются – и что? На что они теперь? – Нет, нельзя, чтоб разбились: папины!») И полдня ищешь футляр, цепляешься за очки, как за соломинку, протянутую из прошлого в жизнь, которой ты не хочешь знать, но которая началась – вчера. Первый ее день – похоронный – так и останется зиянием. Ни тогда, ни тридцать лет, ни сорок лет спустя не вспомнить ни лиц, ни слов – только тиски, сдавившие душу, холод и мелодию, столько раз слышанную прежде, но мимо сердца, а с тех пор уже навсегда слитую с мокрой метелью и осклизлым льдом брусчатки на Красной площади. 3 апреля 1967 года в Москве шел снег, последний в ту долгую зиму.

А за полгода до того, 7 ноября, был мой двадцатый день рождения. Папа уже болел, но ни мы с мамой, ни врачи и не подозревали о диагнозе. Сильно болела спина на месте старого ранения, полученного еще в Первую мировую, (а если папа говорит «сильно», значит – «непереносимо»). После бездумно прописанного грязевого лечения в Цхалтубо стало только хуже, но папа работал и седьмого пошел принимать парад. Только мы с мамой знали, чего ему стоит каждая ступенька на Мавзолей, каждое слово речи. Вернувшись, он лег и больше уже не вставал (а жить ему оставалось полгода). Через неделю его увезли в госпиталь – в пятницу, и это пренебрежение суеверием испугало.

Еще в Первую мировую, в Польше, гадалка, предсказывая папе головокружительную судьбу, маршалский жезл и высший военный пост, предупредила: «Не начинай нового дела, не отправляйся в путь в пятницу! Дурной для тебя день». Поначалу он не обратил внимания на предостережение и не принял всерьез пророчеств, но после второго ранения (оба – в пятницу, как и третье, тридцать лет спустя) взял за правило смотреть в календарь, назначая начало операций или планируя командировки. Но пятницы из недели не выкинешь – все худшее в нашей семье неизбежно случалось в пятницу. Пятницей был и последний день папиной жизни – 31 марта 1967 года. (И это не последняя черная пятница моей жизни – оказывается, пятница наследуется. Спустя тридцать лет в пятницу умерла мама, еще через пятнадцать лет – мой муж).

Я в мелких подробностях помню те последние полгода и теперь понимаю, что папа был фаталистом и стоиком. Врачи и сестры так и не услышали от него ни стоны, ни жало-

бы и говорили потом, что у него *патологическое терпение*. Ни одного вопроса о диагнозе, никаких распоряжений маме «на потом». Он терпел боль, выносил болезнь молча, мужественно и достойно. Вечером 30 марта, когда я уходила из больницы, вместо обычного «до свиданья», папа едва слышно сказал: «Будь счастлива!». И я не поняла, что он со мной прощается... (А накануне он сказал маме: «Береги Наташу. И не мешай ей». Она берегла и не мешала, а это гораздо труднее, чем беречь.)

Хорошо помню мамин рассказ о параде Победы в 45-ом. Разгрузились эшелоны, Военный совет фронта и сотрудников секретариата разместили в гостинице «Москва». Полным ходом шла подготовка к параду, но – по всему чувствовалось – и к чему-то еще. Слишком озабочен был папа, слишком поздно возвращался и не с репетиций парада, а из Генштаба, слишком уж был молчалив и погружен во что-то свое. Но вот прошел парад, все вымокли до нитки под проливным дождем, который не омрачил торжества, – то был плач по всем убиенным, замученным, пропавшим без вести...

После парада – прием в Кремле, вечером – салют, а после, уже в номере гостиницы «Москва», была сделана фотография, которая сейчас висит у меня на стене, рядом с той, что снята 9 мая в 45-ом году в Вене. Когда знаменитый фотограф тех лет Вайль¹ сложил аппараты и ушел, еще долго сидели все вместе – папа, его офицеры для особых поручений, мама – вспоминали, шутили, молчали. И вдруг мама услышала, как Тевченков² мурлыкает себе под нос:

Вейся, вейся чубчик кучерявый!
Развевайся, чубчик, на ветру!

А заметив, что она прислушивается, подмигнул и запел громче:

Мама, я Сибири не страшуся,
Сибирь ведь тоже русская земля!

И мама поняла, что война для них не кончилась, что им снова ехать на фронт, который вскоре получил название – Забайкальский.

Я родилась далеко от Москвы – в Хабаровске, 7 ноября 1946 года спустя час после первого папиного парада. Всего их было у него тридцать восемь, по два в год, и еще один – до меня – парад Победы. Это если не считать самого первого – парада в честь конца Великой войны, Первой мировой. Кстати, именно от папы я услышала ныне возрожденное ее именование – Великая война, как и фразу, которая уже давно воспринимается как название романа: «На западном фронте без перемен», а ведь это эквивалент еще многим памятной фразе из сводок Информбюро: «На остальных участках фронта ничего существенного не произошло».

Но продолжу историю своего появления на свет.

¹ Григорий Михайлович Вайль (1905 ? – после 1981 ?) – фотохудожник; с 1934 г. работал в издательстве «Фотохудожник», затем в издательстве «Искусство» и сотрудничал с газетой «Красная Звезда». Вскоре его портреты маршалов Советского Союза, академиков и иных выдающихся современников получили широкую известность, и Вайль стал одним из правительственных фотопортретистов. В январе 1953 г. Вайль был арестован и осужден по статье 58–10. В апреле 1955 г. после пересмотра дела его освободили «за отсутствием состава преступления». Вайль продолжил работу и участие в фотовыставках и занялся организацией журнала «Советское фото». Последние его фотоработы датированы 1981 годом.

В моем архиве есть несколько Вайлевских портретов отца, а также мамин портрет – Вайль сам предложил маме сняться, сказав: «У вас хорошее, выразительное лицо: виден и характер, и биография».

² Александр Николаевич Тевченков (1902–1975) – генерал-лейтенант. Был членом Военного совета 2-го Украинского и Забайкальского фронтов.

На мое рождение он подарил родителям роскошный альбом для фотографий с золотым тиснением по кожаной обложке «Наташин альбом», внутрь которого была вложена его парадная фотография с надписью «От дяди Саши». Так он и остался для меня первым из «тех, кто качал мою колыбель», хотя, честно говоря, дядю Сашу я совсем не помню.

Вернувшись домой, папа не обнаружил мамы, спросил, куда она подевалась, и поехал в госпиталь, оставив Алексея Ивановича Леонова³, фронтового друга, встречать гостей. В госпитале состоялся диалог, потом тысячу раз пересказанный мне самыми разными людьми:

– Как мне пройти к жене?

– Пройти к ней никак невозможно, товарищ маршал! Она на столе!

– У вас что, кроватей нет?

Уяснив, что рожают не на кроватях, папа, раз уж собрался ждать, отправился инспектировать госпиталь и наткнулся на безобразие: санитарки чистили картошку над ванной – по неведомой причине она служила помойкой. Но негодующая речь не успела прозвучать:

– Товарищ маршал! Поздравляю вас с дочкой!

Родившись девочкой, я не обманула родительских ожиданий и подтвердила давнее цыганкино предсказание, в котором и не сомневались: «В конце концов у тебя дочка родится!» Уже была голубая *Наташина комната* (заметьте – не розовая!) с оттиснутой малярным трафаретом по верхнему краю стены вереницей белых зайцев – у каждого в лапе глянцевая оранжевая морковка размером с заячье ухо. Была *Наташина коляска* – самодельное сооружение, сконструированное из деталей списанной самоходки (если судить по фотографии, открывающей альбом моих детских обликоты). Были Наташины пеленки, распашонки, платья, собственноручно сшитые мамой из парашютного шелка (подарок семьи Красовских⁴). Даже Наташина кукла с харбинского рынка – в локонах, кружевах и оборках.

3 *Алексей Иванович Леонов* (1902–1972) – маршал войск связи (1961). Начальник управления связи Юго-Западного, 3-го Украинского, 2-го Украинского фронтов, в 1945 г. начальник управления связи Забайкальского фронта; с 1946 г. начальник войск связи Забайкальско-Амурского военного округа, с 1947 г. начальник управления связи Главнокомандующего войсками Дальнего Востока.

В отличие от дяди Саши Алексея Ивановича Леонова, всегда бодрого и веселого человека, я хорошо помню и знаю: он всегда был рядом с родителями и после папиной смерти никогда не забыл позвонить маме, спросить, не надо ли помочь (а это не частое обыкновение). Его, и правда, если надо, было легко попросить – редкое свойство. А еще Алексей Иванович был тамадой на всех наших домашних застольях, и его призыв «Просьба налить!», всякий раз иначе интонированный, свидетельствовал о неостребованных актерских способностях.

4 *Красовский Степан Акимович* (1897–1983) – маршал авиации, Герой Советского Союза (1945). С 1947 г. командующий ВВС Дальнего Востока. С сентября 1951 года по август 1952 г. главный военный советник в ВВС Китайской Народной Республики.

Он и его жена *Сельма Рудольфовна*, в свое время воспитанница Рижского института благородных девиц, – ближайшие друзья моих родителей. У Красовских не было своих детей, и Сельма Рудольфовна с удовольствием участвовала в моем воспитании, прежде всего по части манер, за что я ей и по сей день благодарна.

Красовские были удивительной парой – они прожили вместе очень долго, много больше полувека, и умерли с разницей в один день, сохранив юношескую нежность друг к другу и обращение «лац» (*lācēns* по латышски), что значит «медвежонок». Не знаю, как уж так случилось, что невероятная красавица в стилистике немного кино (следы той красоты были очевидны и за девянностью) с балетной фигурой и грацией, тоже редкостно сохранной, вышла замуж за красного командира и безропотно приняла все тяготы, сопряженные с этим выбором, – в том числе жизнь на чемоданах с вечными переездами из глуши в глушь, но знаю, что никогда она не усомнилась в непреложности своего выбора. Когда я росла, у Степана Акимовича уже были большие звезды на погонах и жили мы в Хабаровске – кто спорит, далеко от Москвы, но ни родителям, ни Красовским Дальний Восток не казался глушью, а вопроса «не поселиться ли тем временем жене в Москве, где театры, музеи, консерватория и прочие интеллектуальные радости» не возникало. Хотя во многих семьях этот вопрос стоял и разрешался в пользу столицы. Дом Красовских, где бы они ни обретались (последние десятилетия в Монино, где Степан Акимович руководил академией), поражал не только душевной атмосферой, но и сдержанной красотой интерьера: три небольшие комнаты, ни тени роскоши, только нужные и удобные вещи, но стилистически безукоризненные, напоминающие о долгой жизни на Востоке. По-японски легкий, невесомый дом, окруженный садом. Небольшим – те самые б соток. В саду только цветы – ухоженные и рассаженные по всем правилам агротехники и садового дизайнера, о котором в ту пору и помину не было. На день рождения Сельмы Рудольфовны всегда мне что-нибудь рисовала – пейзаж или портрет немислимой красавицы в локонах и жемчугах (несомненно, автопортрет-воспоминание). Почти ежегодно мы с родителями и Красовские ездили отдыхать в Карловы Вары или на Рижское взморье – вот где стройный силуэт Сельмы Рудольфовны смотрелся особенно органично. Она любила и умела носить брюки, в ту пору не самый привычный женский наряд.

Степан Акимович и Сельма Рудольфовна, неизменно вместе, для меня неразрывными с детскими годами и всей мифологией детства. И потому я позволила себе хоть что-нибудь рассказать о них, нарушая канон сноски.

Но, главное, у меня было имя. Папа назвал меня в честь своей тети – Натальи Николаевны Малиновской, которая приютила его, когда он совсем мальчишкой ушел из дому. Тетя Наташа погибла вместе с сыном Женей⁵ в оккупированном Киеве – об этом папа узнал на второй день после освобождения города, когда летал туда, чтоб ее отыскать.

Знаю, что бабушка, папина мама – Варвара Николаевна – огорчилась, узнав, что меня назвали не ее именем, но я себя с другим именем не представляю. И очень мне нравится фраза Давида Самойлова⁶ при нашем знакомстве. Вспомнив, что я – Родионовна, он отметил: «Гибрид Натальи Николаевны и Арины Родионовны – большая редкость!». «Может, оно и к лучшему, – подумала я тогда, – если красота наследуется от Арины Родионовны». Но вставить слово не осмелилась.

Однажды Лидия Либединская⁷ в гостях у Давида Самойлова, где были и мы с мужем, сказала, что детям в семье нужнее всего любовь между родителями – «это главный компонент воспитания». Плохо, когда главенствует любовь к детям (так ребенка легко испортить), любовь к детям должна быть следствием той, другой любви. И если рассуждения Либединской верны, а на то похоже, значит, меня замечательно воспитывали.

Никогда за все двадцать лет, прожитых рядом с папой (а есть ведь счастливые люди, которые прожили сорок лет и больше!), я не видела семейных ссор или сцен, не слышала даже, чтобы кто-нибудь из родителей повысил голос на другого. По сдержанности папиного характера? Отчасти. По кротости маминого? Да несколько – она человек взрывчатый, но с кем угодно, только не с папой. И тоже не потому, что сдерживалась, – просто друг в друге их ничто не раздражало.

К примеру: зима, на даче, день восхитительный, маме хочется пойти к Сетуни, где сегодня особенно красиво (мы часто ходили к Сетуни, где «сквозной, трепещущий ольшаник», только с другой стороны, не от Переделкино). Папа тем временем уже раскрыл тетрадку, расстелил карту, собрался писать – и никаких надежд на прогулку. «Ну вот – не хочет!» – резюмирует мама и – улыбается. (Попробуй я не захоти – «нечего капризничать!»)

С тех пор, как в 1956 году папу перевели в Москву, я ни разу не была в Хабаровске, но знаю, что от мира моего детства не осталось и следа. Наверно, никто уже не помнит заросший сад с беседкой, увитой диким виноградом (это на даче), и белые сирени у лестницы на веранду и клеверную лужайку, где играли сеттер с медвежонком (это в Хабаровске).

Улица Истомина, дом, в котором по традиции всегда жил командующий округом. А если точнее, то довольно долго – с 1945 года по 1953-й – под этим именованием подразумевался еще более громкий титул Главнокомандующего войсками Дальнего Востока. Это формирование объединяло, кажется, три округа: Дальневосточный, Приморский и Забайкальский. То есть: это Бурят-Монголия, Якутия, Читинская и Иркутская области, Хабаровский край, Камчатка, Сахалин, Курилы и вся территория от границы и до океана вниз от Хабаровска до самого Владивостока. Не берусь сосчитать, сколько европейских стран, и не самых маленьких, уместятся на этом пространстве, напомним только, что это больше трети пространства Советского Союза – той страны, которой давно уже нет. А если вспомнить, что всю войну эти края на износ работали для фронта и сами нищали и истощались, то можно себе представить, какая ноша и какая ответственность досталась в те годы отцу. Немногим легче той, что была в войну. Если легче.

Довольно долго я пребывала в уверенности, что дом, в котором мы живем, – губернаторский. Может, потому что дом, а не квартира? Или потому что при доме сад и двор? Или на эти мысли навел белый рояль в гостиной и зеркало от пола до потолка в белой фигурной раме? (То и другое – казенный инвентарь.) Но, как недавно выяснилось, губернатор (разумеется, дореволюционный) обитал не там, а в большом здании, где потом расположился Дом офицеров, сад же, окружавший губернаторскую резиденцию, стал городским парком.

⁵ Евгений Георгиевич Малиновский (?–1942?) – двоюродный брат отца, незаконнорожденный сын Н.Н. Малиновской, инвалид после травмы, полученной в детстве; работал слесарем на заводе; погиб, предположительно, в Бабьем Яру вместе с матерью и семьей евреев, которую они приютили.

⁶ Давид Самойлов (авторский псевдоним, наст. имя Давид Самуилович Кауфман; 1920–1990) – русский поэт, переводчик.

⁷ Лидия Борисовна Либединская, урожденная Толстая (1921–2006) – русская писательница.

Любопытно, кто все-таки построил наш дом и удовольствовался садом, соизмеримым с пространством обычных дачных участков? Не знаю, что там располагалось в годы войны, а прежде жил Блюхер⁸, про которого в ту пору я знала одно: это легендарный и трагический герой.

Построен был дом в своеобразной и редкой хабаровской манере сочетания красного и черного кирпича; ограда кованная, стиля модерн. По всему второму этажу большие французские окна.

Улица Истомина в моем представлении была короткой: от Главной улицы города (не помню, как она называлась, может быть, Серышева) она спускалась вниз к ручейку – речке по имени Чердымовка, за которой город кончался. Если же идти от нашего дома вверх по Истомина, свернуть на Главную улицу (Карла Маркса или все-таки Серышева?) а потом перейти ее и спуститься к Амуру, можно дойти до школы, где я проучилась со второго по третью четверть четвертого класса. А еще по Главной улице, можно дойти до Штаба, где работал папа, – темно-красного кирпичного здания той же стилистики с мемориальной доской Сергеем Лазо⁹. Страшную историю его гибели в паровозной топке я услышала в раннем детстве, и это стало одним из самых ранних и сильных потрясений.

Если по Главной улице идти в другую сторону очень долго, будет сначала кинотеатр «Совкино» (что значит «Советское кино»), а потом площадь, где папа дважды в год, на 7 ноября и на 1 мая, принимал парад.

Этим исчерпывались мои знания городской, топографии. Детские воспоминания легко смешиваются с фантазиями, а сегодняшняя карта города не проясняет сомнений – слишком все изменилось. Да простят мне эту удаленную от реальности картину хабаровские краеведы (и буду благодарна, если поправят). Кстати, именно почтение к трудам краеведов побудило меня описать наши жилища, давно уже перестроенные волей последующих командующих и, судя по недавним фотографиям, укрытые могучим железным забором и недоступные глазу горожан.

На Истомина мы жили на втором этаже, а на первом была гостиница, где размещались приезжие гости городских властей. Там же, внизу, бильярдная и кинозал. В бильярд родители умели и любили играть, но спускались туда, только если в гостинице никто не жил. Изредка показывали кино; смотреть фильм приходило человек двадцать, больше зал не вмещал. В том домашнем кинотеатре я увидела «Золушку», «Тарзана», «Большой вальс», «Учителя танцев», «Сельскую учительницу» и «Два бойца». Вот и весь кинематограф первых десяти лет моей жизни.

У второго этажа был свой выход – из гостиной в сад вела лестница, по обе стороны от которой росли изумительные деревья – белые сирени. Именно деревья, а не кусты, они доставали до окон второго этажа, и по весне, раскрыв окна, можно было руку протянуть за цветущей веткой. Запах сирени после дождя – из лучших воспоминаний детства.

Сад невелик – прямоугольником шла обрамляющая аллея и внутри еще две поперечных, фонтан, беседка, клумбы и в самом углу погреб-ледник. От улицы сад отделяла красивая кованая ограда в причудливых завитках, ее рисунок повторялся в обрамлении парадной лестницы.

Всего лестниц в доме было три. Парадной не пользовались, к нам входили со двора через сад, а во двор – через калитку рядом с воротами. Третья лестница с пестрыми каменными ступенями – бывший черный ход, вела из двора вниз, на первый этаж – в кинозал и в бильярдную, и на второй – к нам. Дом стоял на склоне, и первый этаж оказался мно-

⁸ *Васілій Константинович Блюхер* (1890–1938) – маршал Советского Союза (1935). В 1938 г. арестован как японский шпион, умер от тромбоза во время следствия. В марте 1956 г. реабилитирован.

⁹ *Сергей Георгиевич Лазо* (1894–1920) – русский дворянин, боевой офицер царской армии, затем активный участник установления советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке, с весны 1918 г. – большевик.

Один из организаторов свержения в январе 1920 г. во Владивостоке колчаковского наместника, Лазо создал Временное правительство Дальнего Востока, подконтрольное большевикам. В апреле 1920 г. был схвачен японцами и вскоре передан казакам-белогвардейцам. После пыток Сергея Лазо сожгли в паровозной топке живьем.

го ниже сада, но выше двора. Что там, в нижнем полуэтаже, было (если что-то было), мне неизвестно.

На парадную лестницу вела дверь между папиным кабинетом и родительской спальней, завешенная шторой и почти всегда закрытая на ключ. Как же я бывала счастлива, если она оказывалась открытой: ту лестницу населяли такие замечательные и загадочные вещи, а мраморный рисунок ступенек можно было разглядывать часами. Свет из французского окна золотил почти плоский медный таз с огромной ручкой – глядеться в него куда интереснее, чем в зеркало. Плетеное кресло-качалка с дырявой спинкой покачивалось при каждом шорохе, рядом стояли рама без картины и высокий, свернутый в трубочку холст, два стула с выцветшей и кое-где продранной обивкой, чемодан с лоскутами, из которых бабушка шила восхитительные одеяльца для кукол (одно у меня сохранилось) и, в довершение чуда, там обретался футляр, обитый изнутри шелком, на котором в предусмотренных и укрепленных картонкой выемках покоился громадный расписной лук такой красоты, что сомнений в его принадлежности к парадному облачению Главного Самурая, не оставалось. И рядом – три стрелы в мой тогдашний рост с самими натуральными разноцветными перышками.

Во дворе того якобы губернаторского дома стоял еще один – прежде там размещались службы, а в первые послевоенные годы, о которых рассказываю, – казарма. Там жили солдаты, рота (?) охраны Штаба округа и иных помещений города, которые полагалось охранять. Это с ними мы смотрели кино. С утра, построившись во дворе, часовые отправлялись куда-то в город, спустя несколько часов уходила смена, а отстоявшие свое время на посту возвращались, и у них начиналось свободное время.

Многие проводили его за книжкой в саду, рискуя повстречаться со мной и услышать: «Дяденька, почитай!». Согласно семейным преданиям, я мучила всех встречных этим предложением, пока сама, без посторонней помощи, не научилась читать. Мама, которой я гордо предложила: «Давай почитаю!», заподозрив, что жульничаю – декламирую стихи наизусть, – принесла другую книжку. Убедившись, что дитя действительно читает – в три, не то в четыре года – успокоилась: отныне ребенку будет, чем заняться, вот пускай и занимается.

Глядя на те года из дней сегодняшних, не могу не удивиться и не порадоваться нашему домашнему укладу. Представьте теперешнее малолетнее дитя командующего округом, которое вместе с солдатиком, свободным от службы, играет в саду с котенком. А тогда, в нашем, по крайней мере, доме, это было естественно. Может, потому что все обитатели дома недавно воевали? Все – папа, мама и эти солдатик. Или потому что папа не хотел жить иначе? Не знаю, я только свидетельствую и специально для тех, кто не поверит, прилагаю фото: вот котенок, вот я, вот солдатик. Хотелось бы мне знать, что случилось с ним, тоже любителем кошек и явно добрым человеком...

Один из тех, кто жил тогда в казарме, позвонил мне несколько лет назад на 9 мая с Камчатки: «Вы тогда были совсем маленькая, всегда с книжкой или с кошкой... Знали бы вы, как долго я искал ваш телефон, чтобы сказать: «Пойдете на могилу к маршалу, отнесите от меня цветы, поклонитесь от меня»... Всё исполнила.

И еще одна картинка из хабаровской жизни – мамин рассказ. Обнаружив отсутствие ребенка, она направилась в сад и еще издали услышала... монолог Чацкого:

С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! Все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простаков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором, –
Безумным вы меня прославили всем хором...

На садовом столе, закинув на плечо плащ-палатку, стоял солдатик и, отчаянно и вдохновенно размахивая руками, декламировал перед единственным зрителем – пятилетней девочкой, внимавшей ему, затаив дыхание. Мама не вторглась в представление и прослушала, укрывшись за беседкой, монолог Чацкого, а также следующий номер программы:

Быть или не быть?

Вот в чем вопрос!

С этого представления в саду, наверно, началось мое знакомство с театральной классикой.

Во дворе было еще одно строение – нечто вроде сарая, разделенного надвое. В одной половине – стояло папиного парадного коня Орлика. Он такой красивый: гнедой, звезда во лбу, белые носочки, огромный карий глаз! Орлик очень приветливый и добрый.

Помню, лет двенадцати, услышав в папином разговоре с кем-то фразу: «К кавалерии у меня никогда не было склонности», – я удивилась и вклинилась в беседу. «Как же так – а лошадки?». Папа ответил: «Кавалерия – это не лошадки. Это шашка». Тогда я не поняла, но запомнила.

В другой половине сарая жил Мишка – самый настоящий медвежонок, которого нам привезли (не знаю, кто), найдя его, маленького, в тайге без матери. Он прожил у нас все свое детство, подружился с дратхааром Милордом, а когда подрос, родители подарили его в цирк дрессировщику Рубану¹⁰ – на 1 мая в Хабаровск всегда приезжал цирк, иногда даже московский.

Так, первого мая, с цирка и неизменно распускавшихся к этому дню листочков смородины, стремительно начиналось лето. Кажется, еще неделю назад в саду лежал снег – и вот уже листики разворачиваются, и меня уже не заматывают в платок, а надевают выходной синий капор с белой каемкой: праздник, Первое мая, утром папа принимает парад, а потом придут гости и заведут радиолу. И по субботам все лето мы будем ездить на дачу вместе с собаками и котами. Они сами запрыгивают в машину и занимают свои места (коты – у окна позади сиденья, за нашими головами, сеттер рядом, а малявка неизвестной породы на руках).

Сколько себя помню, у нас всегда жили домашние звери, причем, в изрядном количестве. Когда я родилась, в доме было полно младенцев: шестеро котят и пятеро щенят. А еще две большие собаки, кот и кошка. И это еще не полный список нашего зверья. В разное время у нас жили: дрофа с перебитым крылом, хроменькая дикая козочка, медвежонок, оставшийся без матери, ручная белка. Не боясь ни собак, ни кошек, она скакала по шкафам и занавескам и только спать забиралась в клетку. Всегда свой кот был у папы (с законным местом на письменном столе), свой – у мамы, а потом и у меня. О папином коте еще будет отдельная история. Собаки считались общими, но за хозяина признавали папу. Одна обязательно охотничья, длинноухая, другая обычно прилудная, неведомой породы. Когда папы не стало, все они – обе собаки и два кота – не вынесли тоски, поселившейся в доме. Лишившись хозяина, все они умерли к сороковинам, выпавшим на девятое мая...

В пятидесятилетие Победы я спросила маму: «А что было тогда 9 мая – в сорок пятом?» И услышала: «Праздник. Мы с папой поехали в Вену, гуляли в венском лесу, в зоопарке. Там всех зверей сохранили». Так я узнала, что любимая моя родительская фотография – та, где они, кажется, безоглядно счастливы, снята в венском зоопарке. А в прошлом году, разбирая архив, я нашла листок из блокнота с папиной статьей для фронтовой газеты. Он писал о том, как мучительно отступать, как стыдно, уходя, глядеть в глаза людям, которые остаются, – и не только людям: «Как-то особенно больно было оставлять Асканию Нову, чудный южный заповедник. Нестерпимо горько оттого, что война пришла и сюда. Животные смотрели на нас с той же укоризной, что и люди. Хотелось опустить глаза».

Папа не охотился. Мы и близкие его друзья знали, почему. Не боясь показаться сентиментальным, он сказал как-то, что, убив на первой охоте лань (или козочку? Что там водится в монгольских степях?) подошел и увидел ее глаза. Больше никогда не стрелял.

В его романе о юности описан похожий случай, с той только разницей, что то была не охота, а нужда: на польском фронте в полу-окружении солдаты голодали и потому застрелили теленка. Это произвело на отца, тогда мальчишку, мучительное впечатление, хотя, ка-

¹⁰ Иван Федотович Рубан (1913–2004) – народный артист РСФСР (1969), выдающийся дрессировщик и укротитель, работал с крупными хищниками (львы, белые и бурые медведи, тигры, пантеры, леопарды, снежный барс).

залось, он уже многое повидал на войне, и раны видел, и смерть. Но убийство беззащитного доверчивого существа не оправдывала даже насущная необходимость.

На охоту папа тем не менее ездил, уважая право собаки на любимую работу. Первому на моей памяти дратхаару Милорду не было равных в охотничьем деле. Всякую утку он приносил папе, выслушивал одобрение: «Молодец, Милорд!» и повеление: «А теперь отнеси тому, кто убил». Пес нехотя, но безошибочно относил.

Этот замечательный пес появился у родителей уже взрослым, в Венгрии. Тамшний весьма пожилой профессор в 1944 году, оказавшись, видимо, в стесненных обстоятельствах и не надеясь на свои силы, в преддверии туманного будущего решил расстаться с любимой собакой ради ее благополучия: пришел в Штаб фронта и сказал, что хочет подарить своего дратхаара командующему. Папа встретился с профессором и обещал беречь Милорда. Пес, конечно, затосковал – первую неделю не ел, лежал в углу, отвернувшись; на вторую – смирился, лизнул мамину руку, признал ее, стал есть и привыкать к другому языку.

Из Венгрии вместе с фронтом Милорд отправился на Восток, после победы над Японией пожил во дворце командующего Квантунской армией генерала Ямада¹¹, потом поселился в Хабаровске. Полюбил новых хозяев и всех их домочадцев, восхищавшихся его умом, воспитанием и чудачествами. Так, несмотря на свою охотничью ориентацию, Милорд решил, что его долг – охранять маму во время папиных командировок и, когда папа уезжал, ежевечерне располагался перед дверью в спальню. Когда папа был дома, Милорд спал на диване у него в кабинете.

Милорд, главный среди наших домашних зверей, никогда никого не обижал. Он спокойно наблюдал пробежки по книжным шкафам ручной белочки, которая досталась нам в подарок от укротителя Рубана – взамен медвежонка, дружил с кошками, считал своим долгом приглядывать за котятами, когда их выносили на прогулку в сад, был благосклонен к маленькой собачке Хорти¹², подобранной тоже в Венгрии и названной именем злосчастного венгерского правителя. Завели Милорду и подругу – дратхаарицу Люстру. Это их щенята – выводок из пяти пятнистых бутузов – встретил мое появление в доме.

Прежней, венгерской своей жизни Милорд не забыл. Когда в гостях у родителей оказался кто-то знающий венгерский язык, мама попросила его поговорить по-венгерски с Милордом – он встрепенулся, встал лапами на колени к этому незнакомому человеку, лизнул ему руку. К старости бородака Милорда – отличительная черта дратхаара – совсем поседела.

А когда его не стало, в доме поселился щенок – тоже пятнистый, но не серо-коричневый, а черно-белый, шелковый – сеттер-лаверак Фидель. Те собаки, которых заводил папа, были ушастые, у нас никогда не жили ни овчарки, ни бульдоги, никакие другие охранники, только охотничьи, а еще – кого бог пошлет, ведь обязательно приблудится какая-нибудь шавочка и составит забавную пару с нашей главной собакой.

¹¹ *Оттодзо Ямада* (1881–1965) – генерал Императорских вооружённых сил Японии, командующий Квантунской армией. В 1945 г. в числе 600 тысяч японских военнослужащих Ямада попал в плен и был доставлен в Хабаровск, где в 1949 г. Военный трибунал Приморского военного округа в открытом судебном заседании рассмотрел его дело. Ямада обвинялся в руководстве подготовкой бактериологической войны и был приговорен к 25 годам лишения свободы; отбывал наказание в исправительно-трудовом лагере № 48 в Чернцах. В июле 1950 г. его выдали КНР, где более 5 лет содержали под стражей в г. Фушунь. В 1956 г. Ямада помиловали, досрочно освободили и вскоре репатриировали в Японию.

¹² *Миклош Хорти*, витязь *Надьбанья* (1868–1957) – правитель Венгерского королевства в 1920–1944 гг., регент. При Хорти престол Венгрии никто не занимал, таким образом, он был регентом в королевстве без короля и адмиралом без флота (так как Венгрия не имела выхода к морю). Хорти инициировал участие Венгрии во Второй мировой войне на стороне Гитлера и в марте 1944 г. дал согласие на ввод в Венгрию немецких войск. Однако 15 октября 1944 г. его правительство объявило о перемирии с СССР, но вывести страну из войны Хорти не удалось. В Будапеште произошёл государственный переворот, сын Хорти был взят в заложники. В итоге Хорти передал власть лидеру нацистской прогерманской партии «Скрещённые стрелы» Ференцу Салаши и был вывезен в Германию, где содержался под арестом. После окончания войны по старости лет Хорти не был предан суду как военный преступник: ему позволили переехать с семьёй в Португалию, где он и умер.

Если дратхаар – с бородкой, усами торчком и жесткой щетинистой шерстью – походил скорее на охотника-работягу, то Фидель, когда подрос, превратился в красавца-мушкетера. Длинные кудрявые черные уши, изящнейшая, белая в крапинку мордаха, карие глаза не хуже, чем у коня Орлика, мягкая шерстка, которую полагалось чесать, чем я с радостью занималась. И такой же, как у Милорда, охотничий талант и милый нрав.

Но вот с охотой Фиделю не повезло. Вскоре после его появления мы уехали в Москву, где выбраться ради собачки на охоту было сложнее. Когда Фиделю исполнилось пять лет, на политическом горизонте объявился его тезка – кубинский команданте, и при появлении малознакомых людей, вопрошающих, как зовут собачку, во избежание кривотолков отвечали «Верный», не сильно погрешив против истины (именно это и означает fidel в переводе с испанского).

В Москве папа уже не ездил на охоту (свободного времени в сравнении с Хабаровском совсем не оставалось), хотя бывал, когда звали, в Завидове, где не столько охотились, сколько решали дела. И там он не изменял своему обыкновению – не стрелял, сколько бы над ним ни подшучивали.

А вот для рыбалки, истинной своей любви, папа всегда старался отыскать время – по воскресеньям и обязательно в отпуске. Сколько часов, нет, дней я просидела на берегах самых разных рек и озер в поле зрения родителей, и в холод, и в дождь с упоением кидающих удочку! Только сейчас, вспоминая об этом мучении своего детства и отрочества, я понимаю, что для папы эти тихие часы были душевной необходимостью. Человек самоуглубленный и молчаливый (полслова за вечер и две фразы за воскресенье), он нуждался в общении с природным миром и, по крайней мере, так – рыбалкой, домашними зверьми – восстанавливал равновесие. Но не часто выдавались свободные дни. И по вечерам он чаще всего решал шахматные задачи или читал Флобера по-французски, чтобы не забывался язык.

В последний год я спросила его: «Кем ты хотел быть?» Что не военным, уже знала, потому что слышала раньше: «Хотеть быть военным противоестественно. Нельзя хотеть войны. Понятно, когда человеку хочется стать ученым, художником, врачом – они создают». На вопрос, кем, папа тогда ответил: «Лесником». Думаю, это правда, но не всей жизни, а именно того, последнего года.

Молодым он, конечно же, ответил бы иначе, азартная и авантюрная натура не потерпела бы отшельничества. Но, кроме того, в юности сильна была горькая память об испытанных в детстве унижениях, бередившая честолюбие. Графчук Дорик в кадетском мундире нет-нет да и всплывал в памяти. (Хотелось бы знать, как прожил свою жизнь этот молодой Гейден¹³ – сто лет назад высокомерный подросток, папин ровесник?).

Тогда, в пятнадцать лет, я безоговорочно поверила в лесника, но потом поняла, что это – не мечта детских лет (отец ведь отказался идти в агрономическое училище, куда мог попасть по рекомендации графского садовника). Лесник – его поздняя утопия, глубинно созвучная тому много испытывавшему человеку, которым папа был уже на моей памяти. Точно знаю одно: если бы его работой оказался лес, с тем же тщанием и азартом, с каким изучал древних стратегов, он занялся бы изучением жизни тайги.

Он и так знал, как называются самые разные растения, показывал их мне и объяснял, чем каждое ценно. Ведь в детстве, когда моя бабушка служила у Гейденов экономкой, графиня позволила ее сынишке играть и заниматься со своими детьми, и во время прогулки учитель рассказывал им о растениях и объяснял, как составлять гербарий. Оказывается, папа ничего не забыл, и, показывая мне приглянувшееся растение, называл его русское название, потом украинское, иногда даже латинское. Запомнилось забавное латинское имя лимонника – *Шизандра* и торжественное название багульника – *Рододендрон даурикум*. А, возвратившись с прогулки, папа снимал для меня с полки тяжелую старинную книгу с картинками, в которой можно было отыскать описание любой, самой невзрачной травки. Назывались эти тома «Жизнь растений», а рядом с ними на полке располагалось не менее увлекательное чтение – «Жизнь животных» Брема.

¹³ О семье Гейденов, у которых моя бабушка работала экономкой, рассказано в папином автобиографическом романе – прежде он выходил под данным Воениздатом названием «Солдаты России», но вскоре выйдет в новой (моей) редакции в издательстве «Новый хронограф».

Кстати, папа считал, что графчуков очень неплохо воспитывали: образовывали и не давали лениться. К примеру, им, малолеткам, а заодно и папе, товарищу их детских игр, выделили по небольшому огородику для сельскохозяйственной практики, где нужно было работать самим: сажать, полоть, поливать, подвязывать всё, что там у каждого на делянке росло. Сажали всего понемножку – пару кустов помидоров, лиану огурцов, петрушку, салат, редиску и прочую зелень. У меня, уже в Москве, на даче волею папы тоже появился такой огородик – не буду вас уверять, что сельскохозяйственный труд меня тогда вдохновил, но спустя годы (в девяностые) навык пригодился.

В книжном шкафу рядом с «Жизнью растений» и Бремем находилось рыбарское отделение, где с «Записками об ужении рыбы» Аксакова и «Рыбами России» Сабанеева (издание 1892 года) соседствовала папина тетрадка с надписью на обложке «Дневник рыболова». Это подробные, по дням, его отчеты о том что и сколько, когда, при какой погоде и ветре было выловлено (естественно, на удочку, сетью папа не ловил) в такой-то уссурийской или амурской протоке, на что именно там лучше ловится таймень, или сом, или не помню кто.

Рыбалка была для меня мучением, от одного вида червяков меня трясло, равно как и от вида разложенной на берегу полумертвой рыбы. И все-таки папина рыбалка оказалась своего рода уроком: если тебе что-нибудь интересно, не берись за дело с бухты-баряхты, полюбуйтесь, что люди придумали, вникни, как следует в то, чем собираешься заняться.

Рядом с ихтиологией и «Дневником» – коробки с рыбарским инструментарием. Сколько удилиц и удочек, крючков и грузил, спиннингов и каких-то экзотических наживок – искусных имитаций мушек и стрекоз – и всякой другой рыбарской снасти на все случаи лова на всех широтах хранила нижняя полка шкафа!

К вещам, исключая вышеупомянутые, папа был патологически равнодушен и удовольствовался бы, будь его воля, синей байковой ковбойкой (она и теперь у меня), многолетними штанами фасона «раскинулось море широко» и беретом, носить который приучился в Испании. Перебирая потом его пристрастия, я поняла: к тому, что не нужно в жилище лесника, он был безразличен. Но во всяком месте земного шара, куда попадал, папа покупал рыболовную снасть.

Однажды мне случилось присутствовать при таком событии – посещении магазина рыболовецких принадлежностей. И не где-нибудь – в Париже.

Три дня в Париже, выпавшие мне на жизнь в 15 лет и больше никогда, случились в 1962 году. Все вместе – папа, мама и я – на неделю отправлялись в Марокко (иногда почему-то в официальные поездки было велено брать семью), и папа решил лететь через Париж и задержаться там на три дня. Первый день – Лувр, второй – Версаль, третий – обещанные мне Монмартр и Монпарнас.

И вот на пути от Сакре-кёр до Клозери-де-Лиля, взглянуть на которое мне было необходимо, папа зашел в какую-то рыбарскую лавочку и битый час выбирал леску, блесна и мохнатых искусственных шмелей. Я страдала, хотя за окном (не «Ротонды», конечно, но все-таки), вставал «Париж фиолетовый, Париж в анилине»¹⁴. Монпарнас вознаграждал, но искусственный шмель и золотистая блесна-малёк все равно запомнились. Уму непостижимо другое: как я тогда ни о чем не спросила папу, а ведь он бывал в «Ротонде», да, наверно, и в «Клозери», которые я соотносила с кем угодно – Модильяни¹⁵, Пикассо¹⁶, Аполлинером¹⁷, Маяковским¹⁸, – но только с не с папой, а ведь мои кумиры могли сидеть за соседним столиком с ним, и его история была нисколько не менее захватывающей... Но я не спросила – ни о чем.

¹⁴ *Париж, / фиолетовый, / Париж в анилине, / вставал / за окном «Ротонды»* – концовка стихотворения В. Маяковского «Верлен и Сезанн» (1925).

¹⁵ *Амедео Клемёнте Модильяни* (1884–1920) – итальянский художник и скульптор, с 1906 г. и до конца своих дней жил в Париже.

¹⁶ *Пáбло Ру́йс-и-Пика́ссо* (1881–1973) – испанский художник, скульптор, график, театральный художник, керамист и дизайнер. С 1904 года жил в Париже.

¹⁷ *Гийом Аполлине́р* (настоящее имя польское – *Вильгельм Альберт Владимир Александр Аполлинарий Вонж-Костровицкий*; 1880–1918) – французский поэт.

¹⁸ *Владимир Владимирович Маяковский* (1893–1930) – русский советский поэт, драматург, киносценарист, кинорежиссёр, киноактёр, художник, редактор журналов «ЛЕФ» («Левый Фронт») и «Новый ЛЕФ». Неоднократно бывал в Париже.

Начав рассказывать о хабаровской даче, я сбилась на рыбалку, потом меня занесло в Париж, но пора возвращаться домой, в детство, на Красную речку (интересно, почему она – красная?).

Уж и не знаю, когда тамошняя дача – великолепный двухэтажный особняк – была построена, кем и для кого, но до нас, до моего рождения, когда родители оставались еще в Китае, там полгода жил плененный император Маньчжоу-Го Пу И¹⁹, а до войны – Блюхер. (Императорская судьба, хоть и с пленом, оказалась не в пример счастливее судьбы довоенного маршала).

К этому замечательному дому от ворот через парк вела дорога с круговым подъездом к крыльцу, внутри круга клумба, в центре – алые канны, цветущие до самых холодов. А с противоположной стороны дома, с террасы, выход в парк, а точнее – в лес, к обрыву, сплошь лиловому, когда цвел багульник. Отсюда спускались к Усури по ветхой лестнице, где на проваленных ступеньках сидели – и не боялись – бурндуки. Лиственничная аллея вокруг дома, накаленный летним полднем круговой балкон на крыше, именуемый «асоте-ей», – не папа ли назвал его этим испанским словом?

Внизу река, прозрачная, как Байкал, и холодная даже в жару. На окраине парка юрта (ее неправильно называли фанзой), куда осенью сваливали садовый инвентарь; беседка, увитая лимонником, кислым-прекислым виноградом и актинидией (это ученое имя лианы, которую там попросту называют крыжовником, а по сути это дикое киви). А какие деревья там росли – пушистые, с мягкими иголками лиственницы, маньчжурские орехи с огромными продолговатыми листьями, бархатное дерево с мягкой серебристой корой – огромное, все в цветущих кремовых гроздьях; голубые ели вперемежку с кедрами и кленами и совсем не похожие на здешние березы – словно скрученные ураганом и замершие, так и не распрямившись.

Дом был устроен по канонам усадьбы. Входишь, и перед тобой, на изрядном расстоянии, лестница ступенек в десять, симметрично разветвляющаяся надвое от площадки, ведущей в бальный зал. По любой из лестничных веток можно попасть наверх – в наши комнаты и на асотею.

А перед входом в бальный зал по обе стороны от лестницы стоят две огромные (чуть не в два моих дошкольных роста) китайские вазы необычайной красоты: сплошь расписные. Чуть ли не снизу доверху извивается оранжевый дракон с разинутой зубастой пастью и серебристым хохолком – один, другой, третий. Да сколько же их, этих чудищ, сколько можно пугать ребенка! Но оторваться, хоть и страшно, невозможно. Между извивами драконов расположились самураи в немислимых облачениях и усатые всадники с копьями, скалящиеся не хуже этих змеев, длиннохвостые хохолатые птицы-фениксы, цветы пионы и красавицы в кимоно, безмятежно, словно и не замечая драконов и всадников, прогуливающиеся в аллеях, деревья которых скручены так же, как березы на обрыве.

Была у меня мечта – залезть внутрь вазы и удостовериться, что фарфор действительно так прозрачен, что рисунок просвечивает. Осуществить мечту, к счастью для ваз (они, по крайней мере, тогда остались целы) не удалось, и пришлось удовольствоваться разглядыванием их родственницы – чашки. Действительно, рисунок виден, а сама чашка тонкая, поразительно гладкая изнутри, а снаружи на ощупь пупырчатая, как и вазы.

Бальный зал высотой в два этажа, естественно, пустовал, и походил на лужайку посреди леса, потому что сразу за французскими окнами росли лиственницы и клены. А наверху, над входом в зал, как и полагается, нависал балкончик для оркестра. Дверь на него тоже почти всегда была закрыта, и зрелище бального зала с дирижерского места причислялось к несчастным подаркам судьбы.

¹⁹ *Айсиньгэро Пуи* (1906–1967) – с 1932 г. Верховный правитель, а с 1934 г. император Маньчжоу-го, генералиссимус и главнокомандующий Маньчжурской императорской армией; в общении с европейцами называл себя Генри. 19 августа 1945 г. в Мукдене был взят в плен советским авиадесантом и отправлен в расположение командующего Забайкальским фронтом. Был свидетелем обвинения на Токийском процессе в августе 1946 г. Несмотря на просьбы остаться в СССР и письма Сталину в 1950 г. Пу И был возвращён в Китай, где находился в лагере перевоспитания; был освобожден по разрешению Мао Цзэдуна в 1959 г. Жил как частное лицо в Пекине, работал в ботаническом саду, а затем архивариусом в национальной библиотеке. Оставил мемуары, изданные в том числе на русском языке.

Не хочется даже думать, что случилось с балкончиком, залом и асотеей, если уже вскоре после нашего отъезда в Москву лестницу к реке вместе с бурундуками и багульником уничтожили и воздвигли фуникулер.

Я уже упоминала о папиных уроках ботаники. Но это могли быть любые другие уроки; главное же, чему он меня научил, – это учиться самой. Нынешняя гордая фраза «У меня три высших образования» звучит для меня скорее забавно. Хочется ответить: «Лучше меньше, да лучше».

Отец – самоучка; его образование это церковноприходская школа, а после нее, спустя войну, Францию и два полукругосветных путешествия, – академия Фрунзе. Но прежде надо было сдать экзамены – с перечисленным багажом дело почти невозможное, ведь в ту пору в Академии преподавали старые кадры и спрашивали абитуриентов без скидок на биографию (она у большинства была и героическая, и сомнительная). Привычка к самообразованию, убежденность в том, что всему можно научиться самому, азарт и страсть к знаниям помогли папе наверстать упущенное и выдержать вступительные экзамены. Возможность получить образование значила для него так много, что готовился он к этим экзаменам, как к бою.

– Я тогда решил: не сдам – застрелюсь. Нельзя было не сдать.

– Да почему же нельзя? – изумилась я. (Разговор происходил накануне одного из моих экзаменов и, видимо, с него и начался.)

– Иначе себя перестал бы уважать.

В 1927 году отец поступил в Академию, весной 1930-го окончил ее, как тогда говорили, «по первому разряду». А спустя девять лет, возвратившись с испанской войны, стал преподавать в этой Академии. Работал над диссертацией, посвященной испанской войне (у меня хранится ее, видимо, последний черновик – машинопись с правкой от руки). По логике вещей чистой экзemplар тоже должен существовать в архиве Академии, но пока не нашлся. Защитить диссертацию отцу не пришлось: когда она была готова и уже представлена к обсуждению на кафедре – в марте 1941 года, отец получил новое назначение и отбыл в Молдавию, в район города Бельцы командовать 48-м стрелковым корпусом. Там он встретил войну.

Что же до диссертации, то она так и осталась незащищенной. Знаю (не от папы), что в 60-е годы ученый совет академии, вспомнив о преподавании и диссертации, решил удостоить отца звания доктора военных наук *honoris causa*²⁰. Папа отказался: «Незачем. Сложись все иначе, никто б о той диссертации и не вспомнил...».

Но я забежала слишком далеко вперед.

Как учатся самоучки? По книгам. И, естественно, книги стали папиным главным пристрастием, первенствуя над шахматами и над рыбалкой, но не соперничая, потому что и к этим досуговым занятиям папа относился со всей серьезностью. Во всяком деле он был на редкость обстоятелен. Ни тени дилетантства – теоретическая оснащенность и техника ремесла заботили его в равной мере, о чем бы ни шла речь – военном деле, о шахматах или о той же рыбалке.

Целую полку в его шкафу занимали ихтиологические книги на разных языках (теперь они в библиотеке московского Зоологического музея), еще одну – шахматная литература (переданная мамой через год после папиной смерти Одесскому шахматному клубу – что с ними случилось...).

Юношеское увлечение шахматами с годами переросло в стойкую привязанность. Знаю, что считал, что играл отец на вполне профессиональном уровне, да и его шахматная библиотека свидетельствует, что ее собирал не дилетант. Есть в ней, кстати, и том, посвященный мастерству Ботвинника²¹, с дарственной надписью гроссмейстера.

Сколько себя помню, на отцовском столе лежала маленькая, с ладонь величиной, темно-вишневая коробочка. Раскрытая, она распадалась на два квадрата – шахматную до-

²⁰ По совокупности заслуг (лат.).

²¹ *Михаил Моисеевич Ботвинник* (1911–1995) – 6-й в истории шахмат и 1-й советский чемпион мира (1948–1957, 1958–1960, 1961–1963). Гроссмейстер СССР (1935), международный гроссмейстер (1950) и арбитр по шахматной композиции (1956); 6-кратный чемпион СССР (1931, 1933, 1939, 1944, 1945, 1952), абсолютный чемпион СССР (1941). Доктор технических наук, профессор.

ску с дырочками в каждой клетке, куда втыкались стерженьки крохотных фигур, и обтянутую малиновым бархатом крышку-корытце для ненужных фигур. Шахматная коробочка раскрывалась едва ли не каждый вечер: разбор партий и решение задач вошли в привычку, и только большой сибирский кот, считавший место на столе под лампой своим, позволял себе вмешиваться в этот молчаливый диалог с доской, трогая лапой фигурки или теребя желтый граненый карандаш фирмы «Фабер».

Отец собрал великолепную библиотеку по военной теории и истории, потом отданную мамой в Академию бронетанковых войск, больше тридцати лет носившую имя отца. Теперь это всего-навсего факультет Академии им. Фрунзе, тоже утратившей свое имя. А я помню, как праздновалось 45-летие Академии в 1963 году, и папа взял меня, уже старшеклассницу, на торжественное собрание, из которого запомнилось выступление дочери Фрунзе²². Наверное, потому, что папа с особым уважением сказал: «Смотри, какая молодец – выучилась и говорит хорошо и по делу».

Он вообще относился к ученым почти с благоговением и сам постоянно учился, причем самым разным вещам. Свидетельством тому библиотека: и те книги, которые мы с мамой отдали в Академию и в Музей на Поклонной горе, и те (немногие), что я оставила себе.

Знаю, что среди отданных книг было немало раритетов. Как жаль, что нам с мамой не пришлось тогда в голову сделать полные списки изданий и настоять на том, чтобы все переданное составило отдельный фонд. Теперь, по прошествии бурных лет повсеместного жульничества, думаю, многие из тех книг (с маргиналиями!) оказались совсем не там, где им полагалось бы стоять. Одна из них (Клаузевиц²³) чудом вернулась ко мне, замеченная на полке букинистической лавки на Старом Арбате, но ведь только одна...

Папа долго и вдумчиво собирал книги по военной истории, начиная с античности, и старинные сочинения по военной теории. И все они проштудированы, с закладками и заметками на полях.

Не специальная – художественная и историческая (всех времен и народов) – литература составила бы не самую бедную библиотеку городка средней руки. Не будучи библиофилом в полном смысле слова, папа постепенно собрал библиотеку, отразившую все его пристрастия: помимо военной истории, русский девятнадцатый век, шахматы, звери и путешествование, словари (двуязычные и толковые), пословицы всех времен и народов.

Словари – это понятно, он владел французским и испанским, и весь спектр словарных изданий, касающихся этих языков, был подобран: толковые, фразеологические, энциклопедические, специальные вплоть до медицинских. Но ведь были у отца и английский, и немецкий, и итальянский, и румынский, и все славянские словари. И японский. Когда мы приезжали, к примеру, в Польшу или в Чехословакию, папа первым делом обзаводился учебником, вынимал захваченный с собой словарь и не упускал случая вспомнить то, что знал, и поучиться, но это естественно: польский родственен родному украинскому. Но японский! До последних лет я пребывала в уверенности, что японский словарь дополнял коллекцию, и только когда из него вывалились листки с иероглифами и пометками папиным почерком, я потеряла дар речи.

А вот коллекция пословиц и афоризмов, как росла при папе, так неустанно растет и в моих руках. Самая любимая из этих книжек – маленький Ларошфуко²⁴ в бумажной обложке с папиными пометками на полях. Например, такой: «По-французски очень уж хорошо, а по-русски так себе». А ведь редко (если не сказать – никогда) читатель обращает внимание на перевод. И может, из этого папиного внимания к слову и его смысловым палитрам в разных языках выросло мое профессиональное переводческое пристрастие к афоризмам.

Про пословицы и поговорки папа говорил, что на них душа отдыхает и любил составлять из них пары прямо противоположного смысла или с переключением регистра («Тер-

²² Татьяна Михайловна Фрунзе (р. 1920 г.) – профессор, доктор химических наук, дочь *Михайла Васильевича Фрунзе* (1885–1925), революционера, военачальника Красной армии и военного теоретика.

²³ *Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц* (1780–1831) – прусский офицер, известный своими военно-историческими сочинениями. Его книга «О войне» была издана по-русски в 1934 г.

²⁴ *Франсуа VI де Ларошфуко*, герцог (1613–1680), – французский писатель, философ-моралист. Речь идет о его *Максимах*.

пение и труд все перетрут» – «Заставь дурака богу молиться...»). Еще любил экзотические восточные пословицы и нечасто употребляемые русские. Так, например, ни от кого больше я не слышала: «Святой из матроса, что кот из барбоса». (Проверила: оказывается, не кот, а слон, но папа говорил «кот», и, по-моему, так естественнее.)

Довольно большая библиотека содержалась в полном, а точнее, профессиональном порядке мамиными стараниями (она окончила ленинградский библиотечный институт и до самой эвакуации из блокадного Ленинграда в апреле 1942 года заведовала библиотекой техникума и профессию свою очень любила). Кроме всего уже перечисленного, на полках стояли книжки, касающиеся самых разных вещей, которыми кому-либо из нас случилось заинтересоваться, будь то цветоводство (это мамино увлечение) или астрономия (мое).

Книги папа привозил из Москвы, а еще их присылали по почте. Тогда избранный круг адресатов в Москве и других городах раз в месяц получал «Список Книжной экспедиции» с перечнем всего, что за этот месяц было издано центральными издательствами. И все мы расставляли галочки возле желаемых книг. Глаза у меня были на книжки завидующие, но ни разу ни от папы, ни от мамы я не услышала отрезвляющее: «Ну, подумай, зачем тебе это надо?».

Книжка нужна всем и всегда, ибо это знание – эта семейная аксиома молчаливо подразумевалась. И выписанное мной сочинение не то о черных дырах во Вселенной, не то о рождении галактик, от которого в памяти не осталось ничего, кроме закрученной спирали, изображенной на обложке, не с меньшим энтузиазмом читал папа.

На особой полке у письменного стола книги размещались не по библиотечным правилам, а по любви: Шевченко²⁵ и Леся Украинка²⁶ по-украински, Есенин и «Горе от ума».

Здесь я прерву перечень налюбимейших книг, потому что место «Горя от ума» среди них особое. Это излюбленный папин (а теперь и мой) источник цитат. Он говорил, что там непременно сыщется фраза на любой случай жизни (в чем я до сих пор ежедневно убеждаюсь). Перечтите и убедитесь: на любой. Не говоря о хрестоматийных: «А судьи кто?», «С кем был?», «Вон из Москвы!», «Я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи...» (С этой цитатой можно обойтись изящнее – опустить процитированное и продолжить: «Вот, брат, рекомендую...» или ограничиться советом «а в карты не садись», тогда «продаст» останется в подтексте. Исчерпывающая характеристика!)

Всякая строчка «Горя» может быть помянута всерьез, саркастически или юмористически, вчера – одна, завтра – другая, а какая – из сегодня ещё видно, но завтра она прозвучит так метко, что конца изумлению не будет. Или просто придется к слову. К примеру: во время дальнего визита папа получает, вместе не помню, с кем, какой-то африканский орден, и в резиденции, снимая ленту с живописной регалией, говорит, изображая Скалозуба: «Ему дан с бантом, мне – на шею».

Попутно скажу, что отец не носил иностранных орденов даже на парадном мундире – только советские: «Что мне, до колен, что ли, увешаться?». А когда я, разглядывая тот новый орден со львом в короне, спросила: «И этот не наденешь? Красивый!», – ответил: «В коробочке полегит. Он моему креслу даден».

И все-таки, думаю, среди иностранных орденов есть исключение – это французские Военные кресты с пальмами, Военная медаль и Орден Почетного легиона. Ведь за ними стояла юность и Великая война, а не министерское кресло. Хотя, думаю, десять лет, что папа служил министром обороны, были нисколько не легче тех лет в окопах. Особенно, если вспомнить, какие это были годы: космос, ракетное перевооружение, сокращение армии, Карибский кризис, паритет...

²⁵ *Тарас Григорьевич Шевченко* (1814–1861) – украинский поэт, художник, прозаик, этнограф; создатель литературного украинского языка, деятель украинского национального возрождения. Большая часть прозы Шевченко написана по-русски.

²⁶ *Леся Украинка* (настоящее имя Лариса Петровна Косач-Квитка, 1871–1913) – украинская поэтесса, писательница, переводчица, фольклорист, деятель украинского национального возрождения.

Прошу прощения за очередной зигзаг и возвращаюсь к папиной особой книжной полке, к любимым афористам. Среди них замечательная книга Федорченко²⁷ «Народ на войне» – документальные записи услышанного на Первой мировой войне. Далее Вольтер²⁸, Ларошфуко и Паскаль²⁹ по-французски и в переводе. И, конечно же, Марк Аврелий³⁰, книга, купленная у букиниста, судя по отметке на обложке, осенью 1936-го, накануне отъезда в Испанию. Ее он искал давно и называл «самой нужной».

Не раз любимая папина фраза из Марка Аврелия расставляла все точки над *i* в наших разговорах: «Каждый стоит ровно столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет» (а для меня расставляет и до сих пор). А фраза Экзюпери³¹ «Мы в ответе за тех, кого приручили», введенная в домашний обиход мной, имела кроме очевидного – переносного – и буквальный смысл, касающийся всех зверят, живущих в доме. В отличие от нас с мамой папа никогда не забывал, уходя, дать им кусочек, чтоб не скучали...

Еще несколько книг лежали в ящике стола. Не из осторожности – просто перепечатанные на машинке, какие переплетенные, какие нет, они не помещались на полке: «Белая гвардия»³², «Один день Ивана Денисовича»³³, в 62-ом году на полку встала аккуратно обернутая перепечатка «Теркина на том свете»³⁴, «По ком звонит колокол»³⁵ (из серии «Рассылается по специальному списку») и фотокопия «Повести о непогашенной луне»³⁶, переснятая по папиной просьбе в Национальной библиотеке Софии. (Неужели даже в спецхране Ленинки не нашлось? Или не дали переснять?) Все эти книги папа давал мне: «Прочти обязательно», но без комментария. И только раз я задала вопрос – про «Непогашенную луну»:

– Это правда?

– Неправду так далеко не прячут.

Короткие были у нас с ним разговоры.

Я сказала, что папа был безразличен ко всему, что не пригодилось бы в жилище лесника. Но это не совсем так. Не думаю, что леснику понадобились бы миниатюрные отвертки и винтики, тоже обретенные в Париже.

²⁷ *Софья Захаровна Федорченко* (1888–1959) – русская писательница. В Первую мировую войны была сестрой милосердия и в 1917 г. выпустила книгу коротких рассказов и размышлений русских солдат о войне и мире, своеобразный свод солдатского фольклора. В 1925 г. появилась вторая часть книги и в 1927-м отдельные фрагменты 3-й части в журнальных публикациях, материал для третьей части был собран уже в годы гражданской войны.

²⁸ *Вольтер* (1694–1778, настоящее имя Франсуа-Мари Аруэ) – французский философ-просветитель; поэт, прозаик, историк.

²⁹ *Марк Аврелий Антонин* (121–180) – римский император (161–180) из династии Антонинов, философ-стоик.

³⁰ *Блез Паскаль* (1623–1662) – французский математик, физик, литератор и философ. Имеется в виду его посмертно изданная книга «Мысли».

³¹ *Антуан Мари Жан-Батист Роже де Сент-Экзюпери* (1900–1944) – французский писатель, поэт; профессиональный лётчик. Был корреспондентом на гражданской войне в Испании, с сентября 1941 г. – военный летчик. 31 июля 1944 г. Сент-Экзюпери отправился с аэродрома Борго на острове Корсика в разведывательный полёт и не вернулся. Обломки его самолета нашли лишь в 2003 г.

³² Роман М. Булгакова о гражданской войне. Частично был опубликован в журнале «Россия» (1925), полностью – во Франции (1927–1929).

³³ Повесть А. И. Солженицына (отдельное издание 1963 г.).

³⁴ Поэма А. Т. Твардовского (продолжение «Василия Теркина»).

³⁵ Роман Э. Хемингуэя о гражданской войне в Испании (1940).

³⁶ Изъятая из продажи спустя два дня после появления повесть Б. Пильняка (1926), в предисловии к которой автор отмечает: «Фабула этого рассказа наталкивает на мысль, что поводом к написанию его и материалом послужила смерть М. В. Фрунзе. Действительных подробностей его смерти я не знаю – и они для меня не очень существенны, ибо целью моего рассказа никак не являлся репортаж о смерти наркомвоена. Нахожу необходимым сообщить это, чтобы читатель не искал в повести подлинных фактов и живых лиц».

Зачем – тогда не спросила, а после все-таки узнала. Папин старинный друг, генерал Буренин³⁷, рассказал мне о том, как еще до войны, в Белоруссии, после неудачных попыток отдать в починку часы «Лонжин», привезенные из Испании (ни один часовщик за них не брался), папа обзавелся соответствующим инструментом и наглазной лупой, разобрал часы, понял, в чем дело – и починил. И потом не раз чинил часы своим приятелям. «Всякое умение когда-нибудь да пригодится».

С этим напутствием мне подарили, классе в восьмом, пишущую машинку «Эрику» – ту самую, что берет четыре копии. И мама, наблюдая мои первые упражнения, сказала: «Учись. Машинка – всегда кусок хлеба». Труднопредставимая сегодня, это самая естественная фраза для людей ее поколения, готового и к суме, и к тюрьме, и к черному дню. Когда мамы не стало, разбирая перед переездом ее шкаф, я обнаружила запас на черный день, занимавший две полки: сухари, соль, спички, мыло, чай. Молчаливая блокадная память...

Это мыло, кощунственно, на гурманский взгляд, хранившееся рядом с чаем, в моей памяти теперь стоит в одном ряду с привычной реалией: маленьким, всегда собранным папиным чехомоданчиком – на всякий, включая *тот самый*, случай. Так было у всех. Или почти у всех. И заодно в генетическую память мимоходом впечатались полное равнодушие к гурманству и готовность к наихудшему обороту событий.

Согласно тайным наукам в генетической памяти ребенка запечатлевается пережитое его родителями за девять лет, предшествующих его рождению. Я отсчитала: война в Испании, наша война, блокада, река Мышкова и столько еще всего... Зря мы в школьные годы веселились над песенной строчкой «Все, что было не со мной, помню», это не *deja vu*³⁸, а другое – пережитое прежде нас и отозвавшееся в нас долгим эхо, дальним отголоском, в ком громче, в ком тише...

Но я рассказывала про отверточки, так вот: помимо них и снастей, было, у папы еще одно странное для лесника пристрастие – письменные принадлежности, паркерские ручки с тонким пером. Паркерской ручкой изящнейшим почерком и без помарок написаны все одиннадцать тетрадей его романа, где в одной из глав поминаются поразившие воображение мальчика карандаши фирмы «Фабер»: граненые золотистые и толстые двухцветные красно-синие, а еще – мягкие белые резинки с оттиснутым слонем. Увиденные впервые в доме дяди Яши, стационарного зрителя, они запомнились подростку как атрибуты учености. И полвека спустя на папином столе появились точно такие же, остро заточенные карандаши с золотистыми гранями и празднично белый квадрат резинки со слонем, стирать которой рука не поднималась. Отец, глубоко равнодушный к вещам, дорожил этим фаберовским набором – так поздно сбывшейся детской мечтой.

Необходимым предметом роскоши он признавал часы – «Омега», швейцарские. Я слышала, как однажды по телефону папа говорил, наверное, директору часового завода об армейском заказе: «Командирские» надо сделать не хуже «Омеги». Без точных и прочных часов военному человеку нельзя!» И ведь очень долго, вплоть до наступления эры «Ролексов», «Командирские» пользовались заслуженной славой.

Я уже говорила о том, как не дилетантски папа относился ко всякому делу, а ведь интересовало его очень многое. О том, что судьба повернула так, а не иначе, папа не жалел (бесповоротным людям это не свойственно), но чувствовал, что справился бы, и неплохо, с другим делом. Иногда даже казалось, что он примеривает к себе другие профессии – так внимательно, пристрастно и заинтересованно он приглядывался к ним.

Его притягивала медицина. Почему – понятие. До службы у графини бабушка несколько лет работала кухаркой при земской больнице, и для отца (которому тогда было лет пять) труд врачей и сестер рано стал привычным зрелищем – делом, которому он мог бы научиться. Не зря же доктор позже посоветовал молодой кухарке отдать сына в военно-

³⁷ Буренин Иван Николаевич (1896–1986) – генерал майор (1943). С ним вместе отец служил до войны в Белорусском военном округе, затем перед войной в академии Фрунзе, а в годы войны И.Н. Буренин работал в штабе 3-го Украинского фронта, которым тогда командовал отец.

³⁸ *deja vu* (фр.) – уже виденное.

фельдшерскую школу, и граф Гейден обещал посодетьствовать, но бабушка не решилась – слишком уж мал ещё сын, а контракт на целых пятнадцать лет! (Если б знала, что скоро они всё равно расстанутся, отдала бы? И судьба была бы другая?)

Замечательный хирург Виталий Петрович Пичуев³⁹, вспоминая долгие разговоры с папой (они познакомились в 60-ом, когда мама лежала в хирургии, а Виталий Петрович был ее лечащим врачом), рассказывает о живой заинтересованности, которая удивляла его в папе всякий раз, когда речь заходила о медицине, о новых диагностических методах, новой аппаратуре. И всякий раз с особой теплотой папа говорил о докторе из земской больницы – первом человеке, пробудившем в нем безоговорочное уважение. Более того: отец рассказал Виталию Петровичу, что, собравшись продолжить образование, он попросил командира дать ему рекомендацию в Военно-медицинскую академию, но получил безоговорочный отказ: «Нечего тебе там делать! Ты прирожденный командир!».

Если бы папа стал врачом (не сомневаюсь, хирургом), это было бы и объяснимо, и естественно, и даже достижимо, а вот литература – *terra incognita*⁴⁰ – всегда оставалась для него неисполнимой мечтой, журавлем в небе. Хотя интерес к ней и желание испробовать на этом поприще свои силы жили в нем с ранней юности и не оставляли никогда.

И все же, сколько мужества и дерзости было в юношеской попытке написать драму – там, в Ла-Куртине, где, кажется, к сосредоточенному литературному труду ничто не располагало, и после, в Плёре, где другие солдаты, радуясь короткой передышке, гоняли в футбол, пели в любительском хоре, репетировали водевиль... Пожалуй, не меньше, чем в решении, принятом сорок два года спустя, – писать роман, а не мемуары. И не случайно, кроме одиннадцати тетрадей «примерного плана-наброска», есть предваряющий рукопись блокнот, озаглавленный «Действующие лица», с перечнем персонажей. Их, описанных по всем драматургическим канонам (с указанием возраста, портретной характеристикой и прочими подробностями), в книге сто сорок шесть.

Этот перечень – дальний отголосок юношеского увлечения, память о самостоятельном театре Ла-Куртина и Плёра-на-Марне. Поразительно, но есть свидетельства, что накануне уже объявленного расстрела лагеря Ла-Куртин, солдатский самостоятельный театр дал свое последнее представление: сыграл спектакль, повествующий о них самих – восставших солдатах, но со счастливым концом... Может, это была папина пьеса? А может, не он один пробовал свои силы в драматургии? Тот текст, чей бы он ни был, конечно, не сохранился.

Но спустя три года, уже на родине, снова оказавшись в госпитале, на сей раз лечась от тифа, отец вернулся к своему театральному замыслу и заново написал пьесу о восстании в лагере. Эту рукопись он сохранил, не питая на ее счет никаких литературных иллюзий. Она была дорога ему не просто как память о юности, а как знак так и не сбывшегося призвания.

После юношеской пробы пера жизнь отца складывалась так, что ни о какой литературе и думать не приходилось. Ранение и французский госпиталь уберегли от алжирских концлагерей, но еще год он воевал за Францию в Иностранном легионе.

В конце концов отцу и его немногочисленным товарищам удалось вернуться на родину почти кругосветным путешествием – высадились они во Владивостоке, откуда в 1919 году добраться до Украины, куда он стремился, было несколько не легче, чем в незапамятные времена из Марселя в Китай. Офицер, врач, главный в их группе, остался во Владивостоке, сибиряки, добравшись до Забайкалья, подались на свои заимки⁴¹, и отец, уже в одиночку, таясь от колчаковцев, сумел одолеть полпути и уже за Иртышем был арестован красными за иностранную солдатскую книжку и французский Воинский крест с пальмами. Чудом ему удалось избежать расстрела: военврач, знавший французский, подтвердил, что французский документ – не офицерское удостоверение, а самая настоящая солдатская книжка, Крест же – солдатский орден вроде Георгия.

³⁹ Виталий Петрович Пичуев (род. 1925) – генерал-майор медицинской службы, профессор Академии военных наук, заслуженный врач РСФСР.

⁴⁰ *terra incognita* (лат.) – земля неведомая.

⁴¹ *Займка* – в Сибири название поселения, обычно однодворного, и земельного участка, занятого кем-либо по праву первого владения, вдали от освоенных территорий. Также строили займки для охоты и рыбалки.

Так отец снова стал солдатом и все пошло своим чередом: гражданская война, на которой он не провоевал и месяца, полгода в тифу, служба в Красной Армии. (А если бы отловили его колчаковцы – тоже другая судьба?)

Казалось, химера юности – литература – давно и прочно забыта. Но призвание все же напоминало о себе – иначе не штудировал бы молодой командир батальона выпущенные ленинградской «Красной газетой» пособия из серии «Что надо знать начинающему писателю»: «Выпуск первый. Выбор и сочетание слов» и «Выпуск второй. Построение рассказов и стихов». Как ни странно, эти две книжицы в бумажных обложках с вопросительными и восклицательными знаками на полях, NB и заметками на полях сохранились.

Но, конечно же, не по ним он учился, много важнее были другие книги. Назову лишь те, о которых спрашивала и знаю точно: Толстой, Лесков, Чехов, Достоевский, Салтыков-Щедрин, прочитанные в годы учения в Академии Фрунзе.

Думая о папином детстве и юности, я могу только изумляться тому, как он строил себя. Что заставляло идти наперекор обстоятельствам?

Вспомним точную формулу Ортеги-и-Гассета⁴²: «Я это я + мои обстоятельства» и дальше: «И если я не спасу их (то есть обстоятельства), я не спасу и себя». Значит, нельзя стать и остаться человеком, не приняв ответственность за обстоятельства, за время и место. А это не каждому по плечу. И если жизнь не ставила нас лицом к лицу с пограничной ситуацией (войной, сумой и тюрьмой, остальное не в счет – мелочи жизни), мы не знаем о себе главного. А отцовское поколение и мамино – знают. Мы можем тешиться иллюзиями на свой счет, им эпоха такой возможности не оставила.

Но все же, почему один плывет по течению, пока не потонет, а другой преодолевает поток? Мне кажется, отцу и самому хотелось отыскать этот изначальный внутренний импульс, который определяет почти бессознательный выбор и в конечном итоге строит судьбу. Поэтому и начал он свой роман с самого начала, с рассказа о детстве. Для становления личности это были, наверно, самые значительные годы, и он это остро чувствовал.

А к человеку, который помог на первых порах, – к тете Наташе – отец на всю жизнь сохранил глубокую, преданную и благодарную любовь. Ее слова и поступки были для него своего рода нравственным камертоном.

В Киеве, освобожденном накануне, отец не нашел ни тети Наташи, ни ее сына Женечки. Соседи сказали, что они погибли – приютили еврейскую семью, и вскоре всех, и ту семью, и их забрали немцы. Кто-то донес. Больше никто их не видел. Об этом папа по возвращении рассказал маме и еще двум своим друзьям. Никаких документов – ни подтверждающих, ни опровергающих – мне не удалось обнаружить: украинские архивы уведомили, что бумаг не сохранилось. Бог весть, небрежность это, нежелание искать или действительно ничего не осталось...

Когда меня спрашивают, как папа меня воспитывал, хочется ответить «никак», хотя это, наверно, неправда. Ни нравучений, ни особых запретов (это – мамина прерогатива), крайне редкая похвала и за все двадцать лет единственная дидактическая фраза, сказанная в мой первый школьный день: «Ну, принимайся за дело – становись человеком, да смотри, не подведи, а то мне стыдно будет». И еще – помимо известия о том, что всему можно научиться самому, – несколько наглядных уроков.

Первый – урок труда. Это уже 60-е годы. Отправляясь на рождение к подруге, я неуклюже заворачиваю коробку в виде лукошка, внутри которой в фантиках, изображающих клубнику, лежат изумительные конфеты с жутковатым на теперешний вкус названием «Радий». Папа поверх очков довольно долго наблюдает, затем встает, отбирает коробку и наверняка умело, артистично, прямо-таки с шиком в одну секунду обертывает коробку и завязывает даже не бант – розу! «Всякое дело надо делать с блеском!» и поясняет «Школа купца Припускова!» (Эту школу он прошел в Одессе, работая в магазине мальчиком на по-бегушках).

Второй урок – вежливости. Не знаю, откуда появилась на папином столе папка уступающего размера (жалко, не помню, как она называлась, хотя, наверно, просто номером), исчезнувшая через несколько дней.

⁴² Хосé Ортега-и-Гассéт (1883–1955) – испанский философ.

Но прежде, чем рассказать о том, что она таила, замечу, что от меня, совсем девчонки, папа никогда ничего не прятал – ни нумерованных книг, «рассылаемых по специальному списку», ни документов, лежавших на его столе, (полагаю, совершенно секретные там не лежали), а еще папа никогда не напоминал мне о молчании, если при мне говорил по «вертушке» или «кремлевке» (это два телефона спецсвязи – белый ВЧ и красный, оба с гербами и короткими номерами, список которых в виде маленькой книжечки высовывался из-под красного телефона). Мама, естественно, напоминала, причем самым грозным образом, но не в том суть. Я молчала бы и без ее предупреждений именно потому, что папа мне доверял.

Так я в подробностях слышала, как ему доложили о гибели Неделина⁴³, видела, как изменилась в лице мама, почувствовала, что случившееся – папино личное горе. Я знала, что они вместе с Неделиным прошли Южный фронт и позже воевали, то вместе, то рядом, не говоря уже про то, что тогда, осенью 60-го года, Митрофан Иванович был Главкомом Ракетных войск – форпоста перевооружавшейся армии. Случившееся было несчастьем государственного масштаба и личным горем отца. И тайной, которую он мне доверил. Наутро по радио прозвучала версия про авиакатастрофу. Я шла в школу с подружками, думала о родителех, сочувствовала, а еще чуть-чуть гордилась тем, что *знаю и молчу*.

Но продолжу о той папке. Я, конечно, любопытствовала, полагая, что это «белый Тасс» (рассылаемый по списку информационный материал, не подлежащий открытой печати), но в папке обнаружилось совсем другое: невообразимое количество доносов на отца, подшитых в хронологическом порядке. (Сейчас могу предположить, что в конце пятидесятых некоторых лиц ознакомили с их особыми личными делами. Можно только гадать, зачем ознакомили и кого именно, но полагаю, что вернулись эти папки, конечно же, не в ныне открытые военные архивы).

По детской глупости из всего множества доносов я прочла только два: первый и последний.

В последнем хорошо известный мне персонаж с очень большими звездами на погонах извещал кого следует об имевшем место на его глазах криминальном факте беседы Р. Я. Малиновского на таком-то приеме с иностранным дипломатом на иностранном же языке. О предмете беседы автор доноса по незнанию языков сообщить ничего не мог, в чем и расписался.

Так ругательное слово из родительских разговоров «сексот»⁴⁴ впервые наполнилось очевидным смыслом. И надо же было на другой день нам с папой, неся из магазина «Сыр», что на Горького, кусок рокфора (то было наше традиционное осенне-зимнее гулянье⁴⁵) встретить автора доносной бумаги, соседа по дому! Я отвернулась. Папа поздоровался, потом, когда сосед на своем этаже вышел из лифта, сказал: «С взрослыми ты всегда должна здороваться». И немного выждав, улыбнулся: «А со своими – сама разбирайся». Значило ли это, что дети не должны сводить родительские счета или что счета вовсе не надо сводить? Или правомерны оба ответа?

⁴³ Неделин Митрофан Иванович (1902–1960) – Главный маршал артиллерии (1959). Герой Советского Союза (1945). Погиб 24 октября 1960 г. на Байконуре при взрыве ракеты Р-16 на испытаниях. Всего тогда погибло 74 человека и ещё четверо умерло в результате сильных ожогов и отравления парами гептила.

⁴⁴ Т. е. секретный сотрудник.

⁴⁵ Помню, как вознегодовал телеведущий Константин Смирнов на съемках передачи об отце, когда я упомянула о нашем с папой гулянье по городу: «Вы хотите сказать, что вы вдвоем шли по улице Горького? Без телохранителей??? Позвольте вам не поверить».

Однако именно это я и хочу сказать: никаких телохранителей, никакой охраны не было нигде – ни на даче (калитка на задвижке, правда, забор глухой, а не из штакетин), ни в отпуске в Гурзуфе, ни на наших прогулках. Папу в гражданском не узнавали, это и понятно – тогда министр обороны редко появлялся на телеэкране. Лишь однажды, когда папа с мамой зашли в Военторг и мама встала в очередь в кассу, а папа остался у прилавка, сосед по очереди обратился к ней: «Вам никогда не говорили, что ваш муж поразительно похож на маршала Малиновского? Я его видел недавно на партконференции – ну, просто одно лицо!» Мама изобразила удивление.

В эту историю К. Смирнов тоже бы не поверил, однако так оно и было.

Я случайно знаю примечательный факт из биографии автора описанного доноса. Двумя-тремя годами ранее (это первые годы после XX съезда) мне довелось слышать такой разговор родителей за ужином. Папа сказал, что ездил сегодня в Кашценку.

– О господи, зачем?

– Хрущев⁴⁶ просил навестить NN, посмотреть, действительно ли он умом тронулся или придуряется.

– Ну и...

– Вхожу, вижу, сидит в рубашеночке госпитальной, синенькой. Меня увидел, руки вытянул, глаза закатил и «мальчики кровавые в глазах» шепчет. Я повернулся и ушел.

– А Никите Сергеевичу что сказал?

– То и сказал: «Театр».

Поразительная история – вся, от начала до донца. И порыв соседа укрыться в психушке («Мало ли что воспоследует из этого съезда!»), и убежденность Хрущева, что отец с первого взгляда разберется в диагнозе точнее врачей. Впрочем, судя по тому, что NN вскоре благополучно покинул психушку, отец в диагнозе разобрался, а пациент догадался, что ему ничего не грозит.

История первого доноса не в пример длиннее. Она растянута во времени на полвека и не укладывается в два абзаца. Жизнь странно выстроила ее – не то как драму, не то как роман, путая жанры, меняя протагонистов и рассказчиков.

Итак, действие первое – излагается по документу. В бумаге (все по той же глупости не посмотрела, куда адресованной и когда именно сочиненной) два соседа по коммуналке – «доводили до сведения» надзирающего органа о том, что «проживающий рядом комбриг Малиновский так и не снял со стены портрет врага народа Уборевича⁴⁷ с дарственной надписью, хотя жены нижеподписавшихся командиров «обратились к жене Малиновского⁴⁸ с соответствующим замечанием», а она-де, на другой день, сказала, что мужу слова их передала и получила ответ: «Что я повесил, то будет висеть».

Какое разбирательство последовало за доносом, узнать теперь не от кого, но ясно, что было оно не первым и не последним. Отцу, конечно же, не раз припоминали и Францию, «где он прохлаждался, пока мы беляков рубали» (традиционная шутка одного из знаменитых соратников), и Испанию, «куда он к Карменситам своевременно улизнул» (еще одна шутка авторства всё того же соратника).

Как случилось отцу уцелеть, гадать не буду – случай, судьба? – но что он состоял на перманентном подозрении, сомневаться не приходится. О недоверии Сталина к отцу и верховном повелении «не спускать с Малиновского глаз» рассказывает в своих мемуарах Н. С. Хрущев. Об этом и о возвращении отца из Испании я еще при случае расскажу.

Но вернемся к истории с крамольной фотографией «врага народа». Не раз мне приходилось слышать, что те, на кого доносили, обычно знали имена доносчиков; знал про своих бдительных соседей и отец. Доказательством тому – второе действие, излагаемое по маминому рассказу.

Прошло по меньшей мере пять лет. Фронт, видимо, конец сорок четвертого или начало сорок пятого. Почти ночь. Входит дежурный офицер с докладом:

– Товарищ маршал! Прибыл генерал такой-то.

Отец (спокойно, негромким голосом):

– Скажи этому сукиному сыну, чтоб через полторы минуты и духу его тут не было. А то лично приду морду бить.

Порученец исчезает.

⁴⁶ *Никита Сергеевич Хрущёв* (1894–1971) – Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 годы, Председатель Совета Министров СССР с 1958 по 1964 годы.

⁴⁷ *Иеронім Петрович Уборевич* (1896–1937) – советский военный деятель, командарм 1-го ранга. С июня 1931 года по 20 мая 1937 года – командующий войсками Белорусского военного округа.

29 мая 1937 г. Уборевич, отрицательно оценивавший деятельность Ворошилова на посту наркома обороны, был арестован и вскоре расстрелян по так называемому «делу Тухачевского». Посмертно реабилитирован в 1957 г.

Отец глубоко уважал И.П. Уборевича и считал себя его учеником.

⁴⁸ Имеется в виду первая жена моего отца Лариса Николаевна.

Хотелось бы мне увидеть сцену за дверью – как это майор (или капитан, а может, и лейтенант) передавал прибывшему не откуда-нибудь – из Москвы, из ставки, генералу, если не выше, «сукиного сына» вкуче с пожеланиями счастливого пути? Но так или иначе через полторы минуты прежнего соседа и дух простыл. В тот вечер никаких комментариев к произошедшему не последовало, и мама⁴⁹ так бы никогда и не узнала предыстории, в которой не участвовала, если бы папа не рассказал её вкратце – неделю спустя.

Между вторым и третьим действием прошло еще двенадцать лет – война давно кончилась, а я успела родиться и подрасти, так что излагаю собственные впечатления.

Итак, вставная новелла

«Песнь о коте Нуаре» (героический эпос)

Наше новое действующее лицо – славный кот Нуар – родилось у нас в доме в Хабаровске в тот год, когда я пошла в школу. Двух котят – Нуара и его брата, поименованного за нежный нрав Ласиком, а заодно их сестренку Аполлинарию, в обиходе Пульку, – решили оставить себе (очень уж были хороши все трое), остальных четверых роздали. Котенка, который с первой минуты стал папиным, Нуаром (то есть Чернышем, а совсем ласково – Нуаренышем или попросту Нурёнком) назвали по ошибке: кот оказался не черный, просто младенцем он был много темнее братишек. А когда подрос, обнаружилось, что масть у него привычная – сибирская, только полосы и тигровые разводы очень уж широки, темны и мохнаты.

В 56-ом в Москву с нами переехали все звери (а на полдороге, в вагоне, родилось семеро сибирских котят, очередных братьев Нуара и Ласика, и, раздав их, мы обзавелись уже московскими «родственниками по кошке»). Нуар, Ласька, Пулька, сеттер-лаверак Фидель и прочая живность быстро освоились на даче, своем новом охотничьем участке, а Нуар – разбойник по природе – немедленно пустился в набеги на соседские курятники (жили мы рядом с лесничеством, и поблизости было целых два курятника). Улаживать последствия котовых подвигов, извиняться и возмещать убытки пришлось маме, чем она непрерывно и занималась. Но надо было видеть Нуара, лезущего через забор, с доблестно придушенным трофеем в зубах! И хотя куренка, конечно же, жалели, а ката ругали, усатый герой являл собой зрелище, как и полагается, эпически величественное.

Однажды Нуар исчез, его искали и где уж нашли, не знаю, а мне в конце концов сказали, что Нуара, наверно, в отместку за цыплят, убили. Долго длится детское горе, и котовий облик, пока я горевала, в согласии с законами фольклора, безотчетно мифологизировался. В итоге в моей памяти Нуар достиг размеров сеттера, цыплята оказались чуть ли не бойцовыми петухами, а неведомый их хозяин, коварно подстергший кота, походил почему-то на циклопа. И – странное дело – ни с каким реальным соседским лицом злодей не соотносился.

Очень долго история Нуара хранилась в одном углу памяти, прочитанная из любопытства доносная бумага – в другом, а про фронтовой инцидент я и знать не знала. Концы с концами связал эпилог, возвративший сюжету драматургическую стремительность.

По смерти кота Нуара прошло почти тридцать лет – наступил, помнится, первый год перестройки. Отговорив свой доклад на конференции испанистов, где помимо филологов были историки и искусствоведы, я пила свой кофе в буфете Дома ученых в соседстве с ученой дамой, которая обратилась ко мне со всей приветливостью:

– Я ведь вас совсем ребенком помню! Я тогда только замуж вышла, и лето мы с мужем у его родителей жили, рядом с вашей дачей. Вы тогда таких громадных, ужасных зверюг держали!

– Каких зверюг?

– Якобы кошек.

Кошки действительно были больше обычных – на то и сибирские, теперь таких не водится – порода измельчала.

– Так вот, зверюга ваша нам медовый месяц в кошмар превратила. Каждый божий день пробиралась эта тварь через террасу в дом и нам на постель гадила! И выслеживали ее, и окна запирали, и двери, а ей хоть бы что – проберется и нагадит! Муж в конце концов...

⁴⁹ Мои родители встретились в 1943 г. на фронте.

Кофе колом застревает в горле, а пауза длится, как ей и надлежит, бесконечно.

Тем же вечером (а вовсе не «неделю спустя», как бы полагалось, если б характер мой был точной копией папиного), я, едва войдя в дом, восклицаю: «Мама, ты знаешь, что на самом деле случилось с Нуаром?! Сегодня на конференции...» и т. д.

Мама (спокойно): «Знаю».

И рассказывает мне фронтовой инцидент.

Странно, однако, шутит судьба. Ведь зачем-то же она поселила двадцать лет спустя, если считать от доноса, пусть не через стену, но забор в забор – в кошачьей досягаемости – прежнего соседа с семейством. Не знаю, кого судьба испытывала на этот раз, но попутно преподала урок и мне.

Мы с той семьей, понятно, не дружили домами, но с младшим сыном извечно соседа я, можно сказать, играла в песочек с полного согласия взрослых. Родительское отчуждение не касалось детей – и, думаю, не случайно, а по папиной воле.

Если я верно, пусть много позже, поняла его мысль, такую, в сущности, простую и естественную, он учил меня не судить за вину перед другим, пусть даже родным человеком, и тем паче не судить за чужую, хоть бы и отцовскую вину. Сейчас я формулирую этот урок и тем неизбежно упрощаю и искажаю смысл, в котором много обертонів. Наверное, есть и такой: не судите чужое – жестокое – время, особенно если вам выпало расти в вегетарианскую эпоху (а шестидесятые, несомненно, были одной из самых вегетарианских эпох нашей истории). Там, в тридцатых, «нас не стояло»⁵⁰, и каково там было изнутри, нам отсюда не видно.

Но это мои теперешние домыслы, выросшие, правда, из тогдашних ощущений. Другое дело – кот, замечательный зверь, не склонный к рефлексии, всё разом учувший и отомстивший за хозяина единственно доступным образом. Не тигр же он в самом деле и не рысь, чтоб должным образом разделаться с обидчиком! Ну, разве что доблестно осквернить брачное ложе наследника рода...

Понимаю неизбежную досаду на не первую уже недомолвку – «один из героев», «лицо весьма уважаемое», «с большими звездами» и тому подобное. Я и сама не раз досадовала, натываясь на фигуры умолчания, аббревиатуры типа NN и закрытые архивы. Но теперь – понимаю. Может, еще живы люди, которых неизбежно ранит сказанное, и совершенно не важно, знакома я с ними или нет, знаю или только предполагаю, что им будет больно. Но не только в этом дело. Ведь многих уже нет – ни той ученой дамы, весьма уважаемого специалиста, ни ее мужа, в свое время широко известного журналистскими инвективами против диссидентов, ни соседского младшего сына, с которым я играла в песочек... И все же... Я не знаю за собой права обвинять.

В конце концов, уже после войны, сосед сам испытал то, что готовил отцу. Отсидев год, уже после смерти Сталина он вышел из лагеря, был восстановлен в звании, снова служил. А когда мы соседствовали дачами, вновь занимал в министерстве обороны весьма высокую должность – в те годы, когда отец был министром...

Странные вещи спрашивают журналисты, когда по случаю юбилейных дат берут интервью. К примеру, неизменно интересуются: «Что говорил вам отец о Карибском кризисе?». Хотелось бы знать, какого ответа ждут. Рассказа о том, что за вечерним чаем папа делился с пятнадцатилетней дочерью вестью об угрозе войны, нависшей над миром, или вводил в курс операции «Анадырь»?

Да какой там вечерний чай! Те две недели папы не было дома. Я думала, что он в командировке, дело привычное, а маме эти долгие дни запомнились как самые страшные за все послевоенные годы. Она тоже не знала ровным счетом ничего, но, чувствуя, что происходящее более чем серьезно, днем ждала звонка, а ночами сидела на подоконнике, ожидая, что папа заедет домой хотя бы на четверть часа. Она мучилась страхом, но боялась не третьей мировой, а того, чего привыкла бояться: муж не вернулся, не звонит, раздаются странные звонки от порученцев («возможно, заедет... может быть, завтра») и она думает, как о неизбежности, – об аресте, ждет, что ее тоже возьмут... а что будет с дочкой, которой всего пятнадцать?

⁵⁰ Фраза А.А. Ахматовой, обращенная к Наталье Ильиной, рассуждавшей о том неведомом ей времени.

Когда мама, уже старенькая, рассказала мне об этом, я остолбенела: «Да ты что! Ведь 62-й год, не 37-й, откуда такой страх?». Мама ответила: «Я же видела, как людей уводили не только в 37-м – и после, и в блокаду. И тогда об этом думала». И это мама, про которую ее фронтовые друзья говорили: «Она такая храбрая»! Мама, в свои девятнадцать лет ставшая директором библиотеки в Лодейном Поле и подавшая в суд на отдел ОГПУ, занявший один из библиотечных залов: «Пускай отдадут для читательских конференций! Так будет справедливо!». Начальник отдела, отправляясь в суд, посмеиваясь, сказал ей, приглашая в двуколку: «Садитесь, девушка, подвезу! У нас же *общее дело*». (У них действительно было общее судебное дело.) Она села: «Я вам не девушка, а директор районной библиотеки!», доехала с ответчиком до суда – и, представьте, выиграла дело. Впрочем, отдел ОГПУ, видно, уже собрался переезжать, иначе вряд ли дело кончилось бы миром...

Еще журналисты любят спрашивать про отношения отца с Жуковым⁵¹ и запомнилось ли мне назначение отца министром. Мне – нет, но мама рассказывала, что тот октябрьский день помнится ей как один из самых тяжелых.

Папа вернулся домой чернее тучи, ужинать не стал, сказал: «Поедем на дачу». Ни одного слова за дорогу. И пока гуляли – долго, до темноты – ни одного слова. Мама хорошо распознавала ситуации, исключая вопросы. Наконец на крыльце появился мамин брат: «Родион Яковлевич, радио сказало, что вас министром назначили!». И тут уже мама не сдержалась:

– Что ж ты не отказался?

– Поди откажись.

И больше ни слова.

С тяжелым сердцем папа принял новые обязанности, не буду рассуждать, почему, ничего не хочу домысливать. Его адъютант Александр Иванович Мишин говорил мне, что вскоре после назначения, завершая партийную конференцию, на которой, как водится, прежние подлипалы не преминули вылить на Жукова ушат грязи, отец ясно сказал, что смещение – не эквивалент гражданской казни и не повод к улюлюканию: «Сделанного Жуковым у него никто не отнимет».

Кстати, весь аппарат Жукова – секретариат, отдел писем, машинистки – остался и работал при папе. Случай уникальный: обычно всех меняют на своих, как и было, к примеру, незамедлительно сделано после папиной смерти. (А тем двоим, кому тогда предложили остаться, поставили условие: никаких контактов с нашей семьей. И в кабинете – чтоб ненадолго не заразиться раком! – велено было произвести дезинфекцию.)

Мои же собственные впечатления о контактах с Жуковым скудны.

В отцовской записной книжке 60-х годов время от времени попадаются листки с числом, месяцем и нумерованным перечнем пунктов, обсуждаемых с Хрущевым. Судя по числам, встречи происходили регулярно, примерно раз в неделю. Расшифровать записи я не могу: цифры, буквы, числа. Самое понятное сокращение – РС. Но не о ракетах речь. В конце списков иногда появляется понятная фраза: «Просьба Жукова о том-то». И далее приписка – «удовлетворена». Значит, все просьбы Жукова согласовывались с Хрущевым, и ему, как свидетельствует книжка, не отказывали.

Насколько я знаю, папины отношения с Жуковым были внешне достаточно уважительными, но близкими не были никогда (да и сотрудничать в войну им – думаю, к счастью – практически не пришлось). Никогда я не слышала от папы ни одного слова о Жукове, а о том, что Жуков говорил об отце – если говорил, – без меня сказано предостаточно, так что без комментариев...

Впрочем, однажды Георгий Константинович разговаривал со мной, если можно назвать разговором единственную фразу. Дело было в кремлевской больнице на улице Грановского году, видимо, в 73-ом. Мама после смерти отца долго болела и вот в очередной раз попала в больницу; там же лежал Георгий Константинович. Когда я пришла, они сидели в холле и вели печальную беседу – о болезни, от которой умерли его жена и мой отец.

⁵¹ Георгий Константинович Жуков (1896–1974) – маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов «Победа». Министр обороны СССР (1955–1957).

Мама меня представила. Георгий Константинович посмотрел на меня скорбно, думая, видимо, о своей дочке Маше, еще маленькой (лет на шесть моложе меня), и сказал негромким, но интонационно командирским голосом: «Твоя мать (здесь интонация поднялась, а за ней последовала долгая пауза) была о-о-очень красивая женщина».

Что я могла сказать в ответ? Интонационно предполагалось продолжение, каким отвечает парадный строй: «Здра... жла...». Моя мать, очень красивая (в плюсквамперфекте) женщина, при сем присутствовала, и встретила констатацию факта спокойно (а было ей пятьдесят лет). Разговор вернулся к болезням.

Кстати сказать, знаю историю, касающуюся жены Жукова Галины Александровны⁵² (папа рассказывал маме за ужином). Галина Александровна работала врачом в госпитале им. Мандрыка⁵³, и кто-то из Медсанупра, ревностный блюститель морали, распорядился уволить ее. Начальник госпиталя Николай Михайлович Невский⁵⁴, старинный папин друг, известил его об этом повелении. Отец спросил:

– Она хорошо работает?

– Хорошо.

– Значит, нет причин увольнять. А Медсанупр пускай за медициной следит, а не за моралью.

О довоенном, еще в Белоруссии, знакомстве Жукова с отцом, определившем многое в их отношениях, мне рассказал старинный папин друг Иван Николаевич Буренин. По его словам, при их знакомстве Жуков, будучи чем-то раздражен, повел себя, как обычно, – то есть приветствовал отца с включением ненормативной лексики. И к своему удивлению получил – от младшего по должности и званию – аналогичный ответ, чему удивился. Еще больше удивился сам Иван Николаевич, не знавший за отцом обыкновения прибегать к такой лексике. Затем Жуков поздоровался заново, уже в рамках вежливости, видимо, отдавая должное неожиданному отпору. Так паритет был установлен.

Вообще же к крику и мату отец никогда не прибегал – об этом говорят буквально все знавшие его и на фронте, и в послевоенные годы. Все сходятся на том, что контраст между приказным, подчеркнуто военным стилем Жукова и папиным – всегда на «вы», по имени-отчеству, не повышая голоса (что не исключало, конечно, требовательности) – был разителен и не всем пришелся по душе. (Редко с кем родители были на «ты», и я, привыкнув, что «вы» – самое естественное обращение, так и не научилась, даже в дружбе, переходить на «ты»).

Папину манеру обращения многие называли «штатской», но это не просто следствие самовоспитания. Отец слишком хорошо знал, каково быть солдатом, да ещё на войне, и никогда этого не забывал.

Однажды В. С. Голубович⁵⁵, военный историк, сказал мне мимоходом:

– Все знают, что Родион Яковлевич никогда не бил подчиненных.

Он продолжал, а я застряла на сказанном. Если про человека говорят, что он ходит на двух ногах, значит, это не повсеместная норма? Значит, другие, и не единицы, ходят на четырех?

– Вы хотите сказать – другие били?!

– А как же! NN для этого на фронте даже специально палку носил. И не он один. Это всякий, кто воевал там-то (последовало точное указание, где), знает.

Что же до повсеместной дедовщины, расцветшей махровым цветом в более поздние года, скажу одно: когда министром был отец, в армию идти не боялись. Может, и не особо хотели, но не боялись. Помню, как в Хабаровске, папа спешно уезжал в командировку – не то на Сахалин, не то на Камчатку, потому что там случилось ЧП: застрелился солдат. Не знаю, разбираются ли теперь командующие округами лично с гибелью военнослужащего, но отец полетел в ту часть не-

⁵² Галина Александровна Жукова (1926–1973) – жена Г. К. Жукова.

⁵³ Пётр Васильевич Мандрыка (1884–1943) – хирург, генерал-майор военно-медицинской службы (1943).

⁵⁴ Невский Николай Михайлович (1893–?) – генерал-майор медицинской службы. В Красной Армии с 1919 г. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. С 1948 г. начальник ЦВКГ им. Мандрыка.

⁵⁵ Голубович Василий Сергеевич – историк, автор книги «Маршал Малиновский», Воениздат, 1984.

медленно, как только узнал. И я, восьмилетняя, запомнила это как чрезвычайное событие, вставшее вровень с нашими семейными потерями. В тот год у меня умерли обе бабушки, далеко, на Украине, и я помню горе родителей, которые не смогли поехать на похороны.

А вот известия о смерти Сталина, годом раньше, я не помню. Мне бы и в голову не пришло об этом упомянуть, настолько естественной казалась мне эта отрешенность, если б не удивившая меня фраза ровесника, Саши Чуйкова⁵⁶: «Когда Сталин умер, у нас дома было такое горе!».

Какое такое горе? И я стала копаться в воспоминаниях, разбираясь, кем был для меня Сталин в раннем детстве, и обнаружила его тотальное отсутствие. Ни портретов в доме, ни разговоров о нем. Ничего! Ленин – да, у папы на столе стояла дареная фарфоровая фигурка, и ощущалось уважение к этому имени. А Сталин вошел в мое сознание много позже – в школе, как исторический персонаж, воспринятый сквозь призму XX съезда. Только так.

Что позволило так растить ребенка? Жизнь «в глухой провинции у моря», в благословенном отдалении от столиц? Но как я ухитрилась пропустить мимо ушей агитпроп начальной школы?

Довольно долго я не сопрягала деяния отца народов с папиной жизнью. И напрасно.

Расскажу о том, что знаю – не от папы, а от Аделины Вениаминовны Кондратьевой⁵⁷, с которой, как и с ее сестрой Паулиной⁵⁸ и их отцом⁵⁹ (все трое переводчики), отец подружился еще в Испании. Во время Великой Отечественной войны Аделина служила в разведотделе папиной армии, а потом и фронта («испанцы» старались держаться вместе – в том же разведотделе работала Мария Фортус⁶⁰).

С Аделиной Вениаминовной я познакомилась поздно, уже очень взрослым человеком. Ей тогда было за восемьдесят, и она еще долго приглядывалась ко мне, решая, можно ли мне доверить то, о чем считала своим долгом молчать так долго. Потом все же рас-

⁵⁶ Александр Васильевич Чуйков (1946–2012) – скульптор, сын маршала Советского Союза В.И. Чуйкова.

⁵⁷ Аделина Вениаминовна Кондратьева (девичья фамилия Абрамсон, 1920, Буэнос-Айрес – 2012) – переводчица, участница гражданской войны в Испании. Родилась в Аргентине в семье эмигрантов, покинувших Россию до революции и возвратившихся в 1932 г. в СССР.

В 1937 г. – переводчица при штабе авиации Испанской Республики. Во время Великой Отечественной войны также военная переводчица. С 1944 г. преподаватель Военного института иностранных языков Красной Армии. В 1950–1953 гг. – заведующая кафедрой Московского педагогического института, в 1956–1966 гг. – сотрудник института мировой экономики и международных отношений АН СССР, с 1966 г. – старший научный сотрудник института международного рабочего движения АН СССР. Кандидат исторических наук.

Организатор и лидер Ассоциации советских добровольцев-участников гражданской войны в Испании. Почетный председатель испанской Ассоциации жертв гражданской войны и изгнания.

⁵⁸ Паулина Вениаминовна Мамсурова (1915–2000) – переводчица, участница гражданской войны в Испании, жена легендарного разведчика Хаджи Мамсурова (прототипа Джордана из романа Хэмингуэя «По ком звонит колокол»). В Испании работала с кинодокументалистом Романом Карменом.

⁵⁹ Беньямин Абрамсон (1889–1965) – профессиональный революционер, еще до 1917 г. эмигрировал из России в Аргентину, где впоследствии стал советским торгпредом. Вскоре после возвращения в СССР уехал вместе с дочерьми на испанскую войну переводчиком. В годы борьбы с космополитизмом подвергался аресту. Был реабилитирован.

⁶⁰ Мария Фортус (1900–1981) – советская разведчица, партизанка, участница гражданской войны, во время которой внедрялась в отряды Махно и банду Булак-Балаховича, чудом осталась в живых. В 1929 г. Мария Фортус с мужем-испанцем отправилась на нелегальную работу в Испанию, её муж, секретарь каталонской компартии, погиб в 1930 г. В 1934 г. разведчица вернулась в Москву, с 1936 г. снова в Испании, где работает военной переводчицей. Ее сын Рамон – лётчик, направленный Коминтерном в Испанию в 1936 г. погиб в воздушном бою.

После возвращения в Москву Фортус с отличием закончила в 1941 г. Военную академию им. Фрунзе. Во время Великой Отечественной войны была начальником штаба женского 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка, воевала в разведывательно-диверсионном партизанском отряде и в разведотделе штаба 3-го Украинского фронта, где лично подготовила операцию «Альба Регия» в венгерском городе Секешфехерваре. Выйдя в отставку в 1955 г., защитила кандидатскую диссертацию, работала в Институте конкретных социальных исследований АН СССР.

Ее жизни посвящены два кинофильма – «Альба Регия» (1961) венгерского режиссера Михая Семеша с участием Татьяны Самойловой и «Салют, Мария!» Иосифа Хейфица (1970).

сказала мне три истории. Одну – об отце и Сталине, другую – о том, как она попала в плен, и третью – о судьбе переводчицы Сони Бессмертной⁶¹.

Истории поразительные, но сейчас, раз речь о Сталине, расскажу первую. Ее Аделина услышала от моего отца в расположении 66-й армии на Сталинградском фронте в сентябре 1942 года. А то, о чем он ей рассказал, произошло в июле того же года после сдачи Ростова-на-Дону.

Этот многострадальный город, один из наиболее тяжело пострадавших в войну, наши войска оставляли дважды – 17 ноября 1941 года и 24 июля 1942-го. Второй раз Ростов без приказа Ставки оставил Южный фронт, которым командовал мой отец. Это о его фронте в знаменитом приказе № 227 от 28 июня, известном под названием «Ни шагу назад!», сказано:

«Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Паникеры и трусы должны истребляться на месте».

Приказ № 227 вменял в обязанность военным советам фронтов передавать в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный, без приказа отход войск. Ответственность же самих военных советов и в первую очередь командующего фронтом стократ выше, чем у командарма, и, соответственно, тяжелее вина.

На следующий день после сдачи Ростова Южный фронт был расформирован, его разбитые армии влились в Северо-Кавказский. Отца и члена военного совета сняли с должностей. Странно, но начальника штаба фронта, генерала Антонова⁶² громы и молнии не коснулись: напротив, 28 июля, в день подписания приказа его назначили начальником штаба Северо-Кавказского фронта, которым командовал С. М. Буденный⁶³.

С кем вместе отец был вызван в Москву, я не знаю: Аделина не запомнила фамилию. Установить, кто это был, мне не удалось, а ведь это – ключевой момент всей истории. Без этого имени рассказ становится бездоказательным апокрифом, но я все же перескажу слышанное от Аделины Вениаминовны не только потому, что ей безоговорочно верю, но и потому, что слишком уж много в этой истории загадок и слишком разноречивы остальные свидетельства – в них еще разбираться и разбираться...

Итак, последние дни июля 1942 года, гостиница «Москва». Здесь ждут вызова в Кремль отец и его спутник. Первый день ожидания, второй, третий. Представьте, каково это – ждать приговора, а точнее – трибунала, ведь, по сути, приговор уже вынесен и оглашен на всю страну в приказе «Ни шагу назад!».

На третий день нервы у отца и его спутника сдали: они напились. А к ночи явился гонец с известием: «Аудиенция в семь утра». За известием последовало чудо мгновенного и полного протрезвления – такого, что, казалось, они отродясь спиртного в рот не брали. Разошлись по своим комнатам – не спать, какой тут сон. Привести себя порядок, побриться, собраться с духом. За полчаса до назначенного времени отец вышел в коридор, ждет спутника, а того нет, постучался к нему в номер – тихо. Еще минут через десять выломали дверь.

К Сталину отцу пришлось идти одному. Его соотечник покончил с собой. Сталин встретил отца вопросом: «А где генерал...?» (Будто не знал!). Отец ответил: «Генерал застрелился», – и услышал вкрадчивое: «Что же вам помешало сделать то же самое?».

Узнаю льва по когтям – по этой фразе, такой безошибочно сталинской.

⁶¹ *Соня Бессмертная* – переводчица на гражданской войне в Испании.

⁶² *Антонов Алексей Иннокентьевич* (1896–1962) – генерал армии, член Ставки ВГК, начальник Генерального штаба в 1945–1946 гг., участник Ялтинской и Потсдамской конференций.

⁶³ *Буденный Семен Михайлович* (1883–1973) – маршал Советского Союза, трижды Герой Советского Союза, кавалер Георгиевского креста всех степеней. Командующий Первой конной армией РККА в годы Гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны входил в состав Ставки верховного главнокомандования, участвовал в обороне Москвы, командовал группой войск армий резерва Ставки (июнь 1941 г.), затем – главком войск Юго-Западного направления (июль – сентябрь 1941 г.), командующий Резервным фронтом (сентябрь – октябрь 1941 г.), главком войск Северо-Кавказского направления (апрель – май 1942 года), командующий Северо-Кавказским фронтом (май – август 1942 г.). С января 1943 г. командующий кавалерией Красной армии.

В ответ отец кратко повторил то, о чем уже говорил Сталину неделю назад по прямому проводу: сказал про сокрушительное неравенство сил, про то, что отход спас тех, кого еще можно было спасти.

Долгая пауза. И наконец:

– Идите. Вам сообщат наше решение.

И всё.

Уж не знаю, как скоро отцу сообщили решение, через три дня или раньше – причем решение неожиданно мягкое. Почему? Потому что уже не 41-й год и с маху уже не расстреливали? Потому что карающую длань отвело самоубийство отцовского спутника? Может, и так. Но, мне думается, важнее другая причина – зафиксированная в стенограмме⁶⁴ разговора по прямому проводу от 22 июля 1942 г., за два дня до сдачи города.

В 18:00 начался этот долгий – длиной в полтора часа – разговор. Участники беседы: из Кремля Сталин, из действующей армии командующий Южным фронтом Р. Малиновский, член военного совета фронта И. Ларин⁶⁵, заместитель командующего Л. Корниец⁶⁶. (И снова та же странность: третьим у телефона обязан быть не замкомандующего, а начальник штаба, но Антонов отсутствовал.)

Отец доложил обстановку, сообщил крайне тревожные разведданные (по контексту понятно, что говорил он об этом не впервые), но Сталин, все еще убежденный, что Гитлер готовит новое наступление под Москвой, и слышать не хотел о возможной концентрации сил на юге. Цитирую:

«Сталин. Ваши разведывательные данные малонадежны. Перехват сообщения полковника Антонеску у нас имеется. Мы мало придаем цены телеграммам Антонеску. Ваши авиаразведывательные сведения тоже не имеют большой цены. Наши летчики не знают боевых порядков наземных войск, каждый фургон кажется им танком, причем они не способны определить, чьи именно войска двигаются в том или ином направлении. Летчики-разведчики не раз подводили нас и давали неверные сведения. Поэтому донесения летчиков-разведчиков мы принимаем критически и с большими оговорками. Единственно надежной разведкой является войсковая разведка, но у вас нет именно войсковой разведки или она слаба у вас.

Критический разбор всех авиадонесений приводит к следующим выводам:

1. У переправ на Дону от Константиновской до Цимлянкой у противника имеются лишь незначительные группы.

2. Наши липовые командиры объята страхом перед немчурой; у страха, как известно, глаза велики, и, конечно, понятно, что каждая маленькая группа немцев рисуется им как пехотная или танковая дивизия.

Вы должны немедленно занять южный берег Дона до Константиновской включительно и обеспечить оборону южного берега Дона в этой зоне».

Для исполнения поставленных – нереальных – задач Сталин в тот же день переподчинил Южному фронту часть уже рассеянных немцами войск соседнего Юго-Западного фронта, но они, утратив связь, даже не узнали о переподчинении и выполнить приказ нового командующего не смогли. Фронт рушился, война вновь шла вопреки ожиданиям Сталина, но в точности так, как предвидели те самые «паникеры – липовые командиры, объятые страхом перед немчурой».

И хотя в приказе № 227 эта терминология осталась, Сталин не забыл, что его предупреждали. Он вообще ничего не забывал. Сталин, по многим свидетельствам, осознавал свои просчеты, хотя никогда о них не говорил. И не трибунал, а всего-навсего понижение в должности командующего фронтом, который «покрыл свои знамена позором», означали, что разговор, состоявшийся за неделю до приказа № 227, Сталин – помнит.

⁶⁴ Из этих стенограмм (а стенографировали все разговоры по прямому проводу с фронтами) я читала очень немногие – приведенные в разных книгах и, видимо, добытые авторами в архивах. Добраться до стенограмм мне не удалось и даже узнать, где именно они хранятся. Но представьте, сколько бы открылось, если б их наконец напечатали – день за днем!

⁶⁵ Ларин Илларион Иванович (1903–1942 или 1943) – политработник РККА, генерал-майор (1942). Покончил жизнь самоубийством.

⁶⁶ Корниец Леонид Ромánович (1901–1969) – советский и украинский политический деятель. С июля 1941 г. по октябрь 1942 г. был членом Военного совета Южного и Северо-Кавказского фронтов. С сентября 1943 г. – членом Военного совета Воронежского фронта.

Но кто же ждал вызова в Кремль вместе с отцом? Антонов и Корниец живы, а вот генерал Ларин – нет. Иван Илларионович Ларин действительно застрелился, но, как свидетельствуют документы, полугодом позже.

Где и кем был Илларион Иванович Ларин с августа до ноября 1942 года неведомо. После июля его фамилия упоминается вновь лишь в приказе от 2 ноября 1942 года о формировании 2-й Гвардейской армии: он назначен членом ее военного совета. Может, попытка самоубийства после Ростовской трагедии все-таки была? И в первую минуту еще не было известно, выживет ли он, а дальше – госпиталь и новое значение?

Илларион Иванович Ларин – давний друг отца, вместе они служат с марта 1941-го, когда Ларин стал военкомом 48-го стрелкового корпуса, а отец комкором; вместе они были на Южном фронте. И вся логика событий подсказывает: в то утро вызова к Сталину они тоже ждали вместе.

Но документ есть документ, подпись Ларина стоит под приказами по 2-й Гвардейской и в ноябре, и в декабре. А вот свидетельства о его самоубийстве разноречивы (это донесения особого отдела и мемуары Хрущева). Даже даты смерти в них разные! В одних донесениях 25 декабря, в других – 27-е, а в третьих вообще 2 февраля. Неясно и место. В одном источнике говорится, что самоубийство произошло в госпитале после легкого ранения, в другом – «у себя на квартире». Что за госпиталь, что за квартира? Да и какая могла быть у Ларина причина стреляться – и 25 декабря, когда самые трудные для 2-й Гвардейской дни были уже позади, не говоря уж о 2-м февраля 43-го, дне победы под Сталинградом?

Есть версия, связывающая самоубийство Ларина с проводимым особым отделом расследованием дезертирства отцовского адъютанта капитана Сиренко, который еще в августе перешел через линию фронта, чтобы, согласно оставленной им записке, «самостоятельно создать партизанский отряд вследствие того, что наши генералы показали себя неспособными командовать, разложились, пьянствуют и развратничают, вроде старого развратника генерала Жука». Но ведь дезертировал Сиренко в августе, а речь о декабре!

Оставим моральный облик генерала Жука, начальника артиллерии фронта, умершего в 1943-м от разрыва сердца (не вследствие ли разбирательств?), за него Ларин отвечать не мог, а что до Сиренко – так ведь он все-таки был отцовским адъютантом, и отцу, а не Ларину, надлежало бы беспокоиться по этому случаю. Да и не самым драматическим событием того лета, думаю, был побег адъютанта...

Все свидетельства тем не менее сходятся в одном: Ларин оставил предсмертную записку. Но число в ней не поставлено, и текст ничего не проясняет. Вот его записка: «Я не при чём. Прошу не трогать мою семью. Родион умный человек. Да здравствует Ленин».

Что это значит? Что ни слово, загадка. От чего отрещивается Ларин? Кого и зачем он уверяет, что отец – умный человек? Естественно, в контексте тех лет ожидать другой характеристики – убежденный коммунист, преданный делу партии и т. п. И наконец, почему помянут Ленин, а не Сталин?

На эту странность немедленно обратил внимание бдительный начальник политуправления Красной армии Щербаков⁶⁷, которому по должности полагалось разбираться в этой ситуации вместе с органами безопасности. В итоге разбора после доклада Щербакова Сталин поручил члену Военного совета Сталинградского фронта Н. С. Хрущеву «лично присматривать за Малиновским». Сергей Хрущев⁶⁸, комментируя отцовские воспоминания, пишет: «Сталин уже занёс топор над головой Малиновского, отцу удалось отвести удар».

Не знаю, прояснится ли когда-либо туман, окутывающий эту историю, или она так и останется мифологической версией. Я рассказала то, что знала от Аделины Вениаминовны – человека, несомненно, заслуживающего доверия, но все же не участницы событий. И то же самое, но вкратце, мне рассказывал Иван Николаевич Буренин.

Но что же дальше?

После приказа № 227 отца откомандировали на Северо-Кавказский фронт, в последних числах августа назначили командармом.

⁶⁷ Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945) – советский государственный и партийный деятель, генерал-полковник (1943). Начальник Совинформбюро с его образования 24 июля 1941 г., с июля 1942 г. начальник Главного политуправления Красной Армии.

⁶⁸ Сергей Никитич Хрущёв (род. 1935) – советский и российский учёный, литератор. Сын Н.С. Хрущева. Доктор технических наук, профессор. Герой Социалистического Труда (1963).

В ту осень его 66-я армия делала, что могла, и это немало, но, увы, и немного. Фронтом, в который входила 66-я, командовал Константин Константинович Рокоссовский⁶⁹, тогда они и познакомились. О задачах, стоявших перед отцовской армией, и об их первой встрече с отцом рассказал сам Константин Константинович в книге «Солдатский долг». Этот фрагмент я приведу целиком:

«Мне еще оставалось ознакомиться с войсками 66-й армии, которая располагалась в междуречье, упираясь своим левым флангом в Волгу и нависая над Сталинградом с севера. Выгодность этого положения обязывала армию почти непрерывно вести активные действия, стремясь ликвидировать образованный противником коридор, отрезавший войска 62-й армии Сталинградского фронта от наших частей. Теми силами и средствами, которыми располагала 66-я армия, эта задача не могла быть выполнена. Противник, прорвавшийся здесь к Волге, занимал укрепления так называемого Сталинградского обвода, построенного в свое время еще нашими войсками. У врага было достаточно сил, чтобы удержать эти позиции. Но своими активными действиями армия облегчала участь защитников города, отвлекая на себя внимание и усилия противника. Перед 66-й армией находились соединения немецких войск (14-й танковый корпус).

Прибыв на командный пункт 66-й армии, я не застал там командарма. «Убыл в войска», – доложил начштаба армии генерал Корженевич⁷⁰. Побывав на командных пунктах дивизий и полков, я добрался до КП батальона, но и здесь командарма не было, сказали – в одной из рот. Я решил добраться туда из любопытства: чем там занимается командующий? И направился туда, где шла довольно оживленная артиллерийско-минометная перестрелка; было похоже, что противник подготавливает вылазку. Где в рост по ходу сообщения, а где и согнувшись в три погибели, по полузасыпанным окопам добрал я до самой передовой. Здесь и увидел среднего роста коренастого генерала. После представления и краткой беседы я намекнул командарму, что вряд ли есть смысл самому лазать по ротной позиции. Родион Яковлевич замечание выслушал со вниманием. Лицо его потеплело:

– Я сам понимаю, – улыбнулся он, – но уж очень начальство донимает, вот и ухожу от него подальше. И людям, когда я здесь, спокойнее.

Расстались мы друзьями, достигнув полного взаимопонимания. Конечно, на армию возлагалась непосильная задача, командарм понимал это, но обещал сделать все от него зависящее, чтобы усилить удары по противнику».

В те же трудные дни судьба занесла в расположение отцовской армии Константина Симонова⁷¹, и в его военном дневнике появилась запись, которая дорога мне не меньше, чем свидетельство К. К. Рокоссовского, потому что в ней я узнаю отца, а это в мемуаристике (не говоря уже о журналистике) редкость. Привожу ее целиком:

«Из Дубовки мы попали в войска 66-й армии, которой командовал генерал Малиновский. Помнится, как раз в то утро армия приостановила наступление. Несколько суток тяжелых боев при очень слабом насыщении артиллерией, да еще в условиях полного превосходства немцев в воздухе, не дали ощутимых результатов. Продвижение в сторону Сталинграда измерялось где километром-полтора, а где всего несколькими сотнями метров.

Обо всем этом сказал сам Родион Яковлевич Малиновский, рекомендуя нам ехать от него к соседу справа, который спешно подтягивал части для предстоящего наступления.

Мы были у Малиновского на командном пункте, сидели рядом с ним на лавке у входа в землянку, вырытую в поросшем кустарником скате какого-то оврага.

⁶⁹ *Рокоссовский Константин Константинович (Ксавэрьевич)* (1896–1968) – советский и польский военачальник, дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Маршал Советского Союза (1944), маршал Польши (1949).

⁷⁰ *Корженевич Феодосий Константинович* (1899–1972) – генерал-лейтенант. С июля 1941 г. начальник оперативного отдела штаба Южного фронта, затем штаба 6-й армии и с февраля 1942 г. начальник штаба 9-й армии. С августа 1942 г. начальник штаба 66-й армии. Затем начальник штаба последовательно Воронежского фронта, Юго-Западного фронта, 3-го Украинского фронта. С мая и августа 1944 по апрель 1945 начальник штаба 4-го Украинского фронта.

⁷¹ *Симонов Константин (Кирилл) Михайлович* (1915–1979) – русский советский писатель, поэт, киносценарист, общественный деятель. Герой Социалистического Труда (1974). Лауреат Ленинской (1974) и шести Сталинских премий (1942, 1943, 1946, 1947, 1949, 1950).

Малиновский был спокойно-мрачен и немногословно, горько откровенен. Ему совершенно явно не хотелось с нами разговаривать, но, раз мы приехали к нему, счел своим долгом прямо сказать, что здесь, на участке его армии, успеха нет.

Наверно, у каждого из воевавших от начала и до конца войны был на ней свой самый трудный час.

Мне почему-то кажется, что в этом заросшем кустарником овраге северней Сталинграда, в день, когда наступление 66-й выдохлось, и она остановилась, мы застали Малиновского как раз в этот самый его трудный час войны. Позади были поражение, понесенное Южным фронтом, падение Ростова и Новочеркаска и та тяжесть ответственности за случившееся, о которой шла речь в июльском приказе Сталина.

И после всего этого – назначение сюда командармом 66-й, и, несмотря на отсутствие достаточных сил и средств, приказ наступать, прорвать фронт немцев, соединиться с окруженной в Сталинграде 62-й армией, и после нескольких дней кровопролитных боев продвижение всего на сотни метров, остановка, неудача.

Что было на душе у Малиновского? О чем он мог думать и чего мог ждать для себя? Мне остается только поражаться задним числом той угрюмой спокойной выдержке, которая не оставляла его, пока он разговаривал с нами в это несчастное для себя утро».

Я знаю эту угрюмую спокойную выдержку, способность сказать себе и не таить от других горькую правду. Но с одним я бы не согласилась: с тем, что это был для отца самый трудный день войны. Кто спорит – трудный, но, думаю, все же не самый.

Отцовский ответ на вопрос о самом трудном дне я еще приведу, но прежде надо рассказать о 2-й Гвардейской.

Эта сильная, новосформированная армия, против всех правил изначально получившая именование Гвардейской, просуществовала меньше трех лет, но сделанное ею бесценно: без нее не было бы победы под Сталинградом. Первым командующим этой армии, сформированной осенью 1942 года в Тамбове, в самые трудные месяцы, когда она сражалась под Сталинградом, был отец, начальником штаба – Сергей Семенович Бирюзов⁷². Они познакомились в Тамбове, принимая армию, и стали друзьями на всю оставшуюся жизнь.

По замыслу Ставки 2-я Гвардейская должна была сыграть конечную роль в Сталинградской операции и добить Паулюса⁷³, однако пока она двигалась из Тамбова, картина на южном театре военных действий изменилась: наступление Манштейна⁷⁴, шедшего от Котельникова и Тормосина на выручку Паулюсу, внесло непредвиденные коррективы.

Сильная вражеская группировка утром 12 декабря начала бои и продвинулась совсем близко к Сталинграду: до Паулюса танкам Манштейна оставался один переход – 35 километров. Кольцо окружения, созданное нашими войсками, могло быть прорвано в самом скором времени. И тогда 2-ю Гвардейскую развернули и спешно направили навстречу Манштейну. Всю ответственность за это решение взял на себя координатор действий фронтов А.М. Василевский⁷⁵ – надвигающаяся катастрофа требовала безотлагательных действий, а

⁷² *Бирюзов Сергей Семёнович* (1904–1964) – маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1958 г.), начальник Генштаба Вооружённых сил СССР (1963–1964). Погиб при исполнении служебных обязанностей.

⁷³ *Паулюс Фридрих Вильгельм Эрнст* (1890–1957) – немецкий военачальник, один из авторов плана Барбаросса. С 1943 г. генерал-фельдмаршал; командующий 6-й армией, окружённой и капитулировавшей под Сталинградом.

⁷⁴ *Манштейн (Левински) Эрнх фон* (1887–1973) – немецкий фельдмаршал, участник Первой и Второй мировых войн. В 1944 г. отправлен в отставку вследствие разногласий с Гитлером. В мае 1945 года арестован британскими войсками и приговорён британским трибуналом к 18 годам тюрьмы за «недостаточное внимание к защите жизни гражданского населения» и применение тактики выжженной земли. Освобождён в 1953 г. по состоянию здоровья. Работал военным советником правительства Западной Германии.

⁷⁵ *Василевский Александр Михайлович* (1895–1977) – маршал Советского Союза (1943), начальник Генштаба, член Ставки Верховного Главнокомандования. С февраля 1945 г. командовал 3-м Белорусским фронтом. В 1945 г. главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке в войне с Японией. В 1949–1953 гг. Министр вооружённых сил. Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945), кавалер двух орденов «Победа» (1944, 1945).

Ставка и Верховный уже который день молчали. Возможно, потому, что им слишком жалко было откладывать конечный этап операции, а без свежей армии покончить с окруженной армией Паулюса не хватало сил. Но промедление могло погубить все. В конце концов, уже когда 2-я Гвардейская шла наперерез Манштейну, Ставка согласилась с Василевским. Наше счастье, что у Александра Михайловича достало мужества не ждать верховных распоряжений.

Все это подробно и документировано описано в книге А.М. Василевского «Дело всей жизни», а о своем несогласии с таким решением пишет в «Солдатском долге» К.К. Рокоссовский – командующий Донским фронтом: это его фронту предназначалась сильная и свежая армия, которую теперь отнимали. Что же до мемуаров А.И. Еременко⁷⁶, командующего Сталинградским фронтом, которому переподчинили 2-ю Гвардейскую, то его версия событий в шестидесятые годы была подробно анализирована и аргументировано опровергнута А.М. Василевским в «Военно-историческом журнале» с пометой, что написанное явилось результатом обсуждения темы с моим отцом и представляет их общее мнение.

О том, что такое обсуждение состоялось, свидетельствуют и отцовские маргиналии на соответствующих страницах книги А.И. Еременко «Сталинград». Не сомневаюсь, что есть пометки и на экземпляре, принадлежавшем А. М. Василевскому, и на экземпляре К.К. Рокоссовского, да и на экземплярах других участников событий. Интереснейшая получилась бы публикация, если бы собрать все маргиналии и представить их рядом с мемуарным текстом – объектом полемики. Но стоят себе экземпляры с маргиналиями на полках семейных библиотек, недоступные взору исследователей...

Не думаю, что сегодня кто-либо вправе судить, какое решение следовало предпочесть: план Василевского, который был осуществлен, или замысел Рокоссовского, оставшийся гипотетическим. Но замечу: это разногласия равнокомпетентных людей, знающих, что такое ответственность и привыкших нести ее со всеми последствиями. У их слов – одна цена, а у тех, кто рассуждает об этом сегодня, – совсем другая. Сослагательное наклонение применительно к истории, такое заманчивое, в особой чести у тех, кто, рассуждая снисходительно-поучающим тоном с телеэкрана, как орешки, щелкает уравнения со всеми известными. Кто спорит – хорошо море с берега. Особенно теплое и в штиль.

Это сегодня понятно, что от тех событий декабря 1942 года на подступах к Сталинграду, зависела не только судьба Сталинградской битвы, но и в конечном счете судьба войны. Если бы Манштейн пробился и вызволил Паулюса, были бы напрасны подвиги и муки тех, кто долгие месяцы сражался в растерзанном городе и умирал в раскаленной летним солнцем степи на подступах к нему летом 42-го. А если бы не выстояла 2-я Гвардейская, война, наверно, продлилась бы дольше, и не случилось бы коренного перелома в войне, и король Георг⁷⁷ не прислал бы в дар городу в знак восхищения воинской доблестью его защитников, «крепких, как сталь», рыцарский меч, украшенный драгоценными камнями. Но не в камнях и не в благородном жесте британского монарха суть, а в том, что весь мир, дотоле сомневавшийся, тогда понял, что победа будет за нами.

Но в середине декабря катастрофа казалась почти неминуема: 14 декабря на пути танков, пробивающихся к Паулюсу, остались только разрозненные стрелковые части и мехкорпус. Тогда все зависело от предельно измученной и понесшей огромные потери 51-й армии, которой командовал Труфанов⁷⁸, – от того, сможет ли она дождаться 2-й Гвардейской. Свои дни 51-я армия выстояла. А 2-я Гвардейская, выгрузившись 16 декабря, в стужу и вьюгу пешим порядком двинулась навстречу Манштейну и с марша 18 декабря вступила в бой, сменив остатки измученных до предела войск, уже отступивших к Аксаю. Манштейн уже торжествующе радовал Паулюсу: «Будьте уверены в нашей помощи», когда перед ним встали передовые части 2-й Гвардейской. Теперь все уже зависело от нее.

Наверно, у каждого, кто воевал, была безошибочно распознаваемая минута, когда он знал: вся война сейчас зависит от него одного, оттого, что и как он сделает в эту минуту, здесь, на крохотном куске земли, у безвестного хутора, у речки, имя которой, кроме здеш-

⁷⁶ Еременко Андрей Иванович (1892–1970) – маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1944).

⁷⁷ Георг VI (Альберт Фредерик Артур Георг; 1895–1952) – король Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Канады, Австралии и Южной Африки с 11 декабря 1936 г.

⁷⁸ Труфанов Николай Иванович (1900–1982) – генерал-полковник (1955). С июля 1942 г. по февраль 1943 г. командующий 51-й армией.

них хуторян, никому не ведомо. Для всех воинов 2-й Гвардейской, в равной мере для командующего, солдата, лейтенанта, стрелка или танкиста, такая минута настала декабрьским днем 1942 года на берегу речки со странным именем Мышкова.

На берегу этой неприметной речки в то холодное утро встретились и встали друг против друга танки: наши и немецкие. Сутки ни те, ни другие не начинали атаку. Почему?

Отец объяснил это в письме Сталинградским школьникам, которые просили рассказать о том, чем памятна ему Сталинградская битва:

«Громославка была самым горячим участком нашего фронта. Противник рвался на северный берег реки Мышкова. Воздушная разведка донесла, что противник разворачивает для атаки танки – возникла серьезная опасность прорыва. У нас было, пожалуй, даже больше танков, но без горючего: в баках оставалось по четверти заправки, но вражеской атаки нельзя было допустить. Я отдал приказ снять с танков маскировку, а если они укрыты в оврагах, вывести их на бугры – пусть враг видит, с чем ему придется иметь дело. И цель оказалась достигнута. В ставку Гитлера полетела срочная депеша: «Вся степь усеяна русскими танками. Нуждаемся в подкреплении». Фашисты не решились атаковать. Так время, необходимое для подвоза горючего, было выиграно, а положение – спасено».

Но это сейчас мы знаем, что Манштейн запросил подкрепления и стал ждать. А те, кто сидели в этих танках без горючего, вышедших на бугры, – превратившихся, по сути дела, в мишени? Они – не знали, почему противник не атакует, и не знали, получают ли горючее, и когда. Целые сутки они ежесекундно ждали атаки, перед которой оказались бы беззащитны. И командующий армией, взявший на себя ответственность, тяжелее которой и представить невозможно, тоже не знал, что там решил Манштейн, целые сутки не знал.

Иногда меня спрашивают, о чем бы я спросила отца сегодня, если б могла. Я бы спросила о той истории, рассказанной Адединой, и об этом решении на Мышкове: «Что это было? Выверенный военный или психологический расчет? Интуитивное знание? Или отчаянный – за пределом отчаянья – шаг за гранью риска?»

В ту ночь удача встала на нашу сторону: к танкам 2-й Гвардейской горючее пришло раньше, чем подкрепление, которого так и не дождался Манштейн. И с той декабрьской ночи 1942 года, когда на секунду прибавился день, время войны повело другой счет – счет Победы.

Об этом, уже после войны, вспоминая проигранные сражения, писал немецкий генерал Меллетин⁷⁹. Вот его горькое признание: «Поражение на ни чем не примечательной речке Мышкова положило конец надеждам Гитлера на создание империи».

Слава 2-й Гвардейской армии вспыхнула на десятилетие, уже после смерти отца, когда в 1970 году вышел роман Юрия Бондарева⁸⁰ «Горячий снег», и название его тут же оторвалось от текста и вошло в статьи, речи и мемуары о войне. А когда в 1972-м вышел одноименный фильм с Георгием Жженовым⁸¹ в роли командарма, его посмотрела вся страна.

Но с тех пор много воды утекло, и страну, которую защищали герои романа, смыло потоком истории. Сейчас, если скажу, что отец командовал той армией, про которую фильм, даже молодые музейщики ответят: «Да? Надо бы посмотреть...».

Отец – не прототип командарма Бессонова. Но завершающая фильм фраза: «Все, что могу... все, что могу лично», – его. Она действительно сказана в тех самых обстоятельствах и означает вот что: командарм своей властью имел право наградить орденом Красной звезды или орденом Красного знамени, но к Герою Советского Союза – тому званию, которое все они, солдаты 2-й Гвардейской, **бесспорно, заслужили, – он мог только представить**. Поэтому командарм награждает их на еще не остывшем поле боя *тем, чем может*: «Все, что могу лично».

⁷⁹ Меллетин Фридрих Вильгельм фон (1904–1997) – генерал-майор танковых войск вермахта. Вместе со своим корпусом участвовал в Сталинградской битве в рамках операции по блокированию 6-й армии Паулюса, с которым лично поддерживал радиоконтакт.

⁸⁰ Бондарев Юрий Васильевич (род. 1924) – русский писатель. Герой Социалистического Труда (1984). Лауреат Ленинской (1972) и двух Государственных премий СССР (1977, 1983). Роман «Горячий снег» был написан в 1969 г.

⁸¹ Жженов Георгий Степанович (1915–2005) – актёр театра и кино. Народный артист СССР (1980). Лауреат Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых (1975) за исполнение роли генерала Бессонова в фильме «Горячий снег».

По собственному признанию автора, Бессонов – обобщенный образ советского военачальника, в котором есть что-то от Жукова, что-то от Конева⁸², а может, и от других. Таки ми их – Жукова и Конева – представлял автор, но военачальников этого ранга, включая своего командарма, он, в ту пору лейтенант, ни разу даже издали не видел.

Драматургическая линия командарма в «Горячем снеге» строится на том, что он обязан безошибочно избрать ту минуту, когда нужно пустить в ход резерв, – и дожидаться этой минуты, что, наверно, еще труднее. Кроме того, у Бессонова есть личная драма: его сын – власовец.

Художественная правда романа неоспорима, но на то она и художественная, чтобы не совпадать с биографической или исторической. Тысячу раз прав Федерико Гарсиа Лорка⁸³, когда говорит, что жизнь против всех ожиданий оказывается изобретательней и драматичней воображения художника.

Не было у командующего 2-й Гвардейской армией сына-власовца (старшему из моих братьев в 1942-м исполнилось тринадцать лет). Да и сам командарм много моложе Бессонова и пришел к войне с другим военным и душевным опытом. Отец, один из немногих наших командиров, знал другую жизнь: в юности три года воевал во Франции, а накануне Великой Отечественной войны два года в Испании – не самая благонадежная биография. Там, в Испании, он получил опыт ведения современной войны, причем с тем же противником (Гитлер с самого начала гражданской войны в Испании вместе с Муссолини⁸⁴ активно помогал Франко⁸⁵ вооружением и людьми). И наконец, у отца в недавнем прошлом был приказ № 227 с жестокими, разящими словами о его фронте.

Я уже рассказала о Ростове и об аудиенции у Сталина – вот драматическая предыстория командарма 2-ой Гвардейской. Если ее знать, понятно, что судьба командарма, его жизнь и смерть в эти три дня висят на том же, а может, еще более тонком, волоске, что и судьба любого солдата его армии. История все нити сплела здесь в один узел – судьбу страны, судьбу войны, судьбу человека.

А резерв, который так берег командарм в «Горячем снеге», у отца действительно был – два корпуса: механизированный и танковый. Они пошли в дело, когда противник, потеряв надежду прорвать фронт в районе Громославки, начал перебрасывать войска в сторону 51-й армии, измотанной до предела и практически не способной его задержать. Но здесь против Манштейна встали эти сбереженные корпуса. Блистательно воевали тогда танкисты Павла Алексеевича Ротмистрова⁸⁶ (это еще один верный друг отца, с которым они понимали друг друга с полуслова). И в ночь католического Рождества 1942 года, когда взойшла Вифлеемская звезда, стало безошибочно ясно: 2-я Гвардейская исполнила свой долг – Манштейн отходит, а Паулюс остается в Сталинграде.

Уже после войны, в 1946-м году в преддверии 9 мая журнал «Огонек», который более полувека читала вся страна, разослал многим генералам и маршалам анкету с единственным вопросом: «Какой день войны вам наиболее памятен?». Этот номер мне разыскать не удалось, знаю только, что папин ответ (черновик которого сохранился) не был опубликован, а может, папа его и не отослал. Потому что ответ показался ему слишком личным? Или редакции соч-

⁸² Конев *Иван Степáнович* (1897–1973) – маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

⁸³ Гарсиа Лорка *Федері́ко* (1898–1936) – испанский поэт, драматург, музыкант и график. Был убит в начале гражданской войны в Испании.

⁸⁴ Муссолини *Бені́то Амількаре Андрéа* (1883–1945) – итальянский политический и государственный деятель, лидер Национальной фашистской партии (НФП), диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр с 1922-го по 1943 г., основатель итальянского фашизма.

Во время испанской гражданской войны с конца 1936 г. на стороне националистов сражались немецкий авиационный «Легион Кондора» и итальянский пехотный «Корпус добровольческих сил».

⁸⁵ Франсі́ско Паулі́но Эрменехільдо Те́одуло Фра́нко Баамóнде (1892–1975) – испанский военный и государственный деятель, диктатор Испании в 1939–1975 годах, генералиссимус.

⁸⁶ Ротмистров *Пáвел Алексе́евич* (1901–1982) – главный маршал бронетанковых войск (1962), Герой Советского Союза (1965), доктор военных наук, профессор. Во время Сталинградской битвы командовал 7-м танковым корпусом, который с 12 по 30 декабря принимал участие в уничтожении Котельниковской группировки противника. 29 декабря 7-й танковый корпус был преобразован в 3-й гвардейский с присвоением ему почётного наименования «Котельниковский».

ла неуместным в преддверии праздника упоминать о сдаче города? Или попросту ответы предполагались короткие? Гадать бессмысленно. Вот что отец написал:

«В память врезалось много дней – и горьких, и радостных. Конечно, хочется сразу сказать – день Победы. И еще день освобождения Одессы, моего родного города.

Но все же памятнее всего мой самый горький день войны – когда пришлось оставить Ростов. Там, под Ростовом, когда не удалось задержать гитлеровскую военную машину, я пережил глубочайшее горе. Летом 1942-го мы отошли, оставив врагу многострадальный Ростов, уже побывавший в руках врага, уже испивший эту горькую чашу. Мы уходили из пылающего города, понунив головы, и сердца наши обливались кровью.

С тех пор, где бы ни приходилось сражаться, ни на день меня не оставляла мысль о Ростове. С этой мыслью я дрался и под Сталинградом, когда 2-я гвардейская преградила путь танковой группе Манштейна, стремившейся разорвать Сталинградское кольцо.

И, наконец, пришел долгожданный час: в ночь на 14 февраля 1943 года начался штурм Ростова. Непосредственно на город со стороны Батайска наступали части генерала Герасименко⁸⁷, от Азова на железную дорогу Таганрог – Ростов, прямо на станцию Синявская шли части генерала Хоменко⁸⁸, Аксайскую атаковали части генерала Захарова⁸⁹, от Новочеркасска на запад двинулись гвардейцы под командой генерала Крейзера⁹⁰. Над немцами в районе Ростова нависла угроза окружения. Первыми в город ворвались курсантские бригады и гвардейцы 34-й воздушно-десантной гвардейской дивизии. В шесть утра город был освобожден. А через три часа мы вместе с Н.С. Хрущевым уже были на улицах Ростова и видели на глазах ростовчан слезы радости. Это был мой первый радостный день в ту войну».

А вот эпилог.

...Спустя полвека, зимой 92-го года я шла по арбатскому переулку к метро – на работу, читать лекцию про ирландское средневековье. Пожилой человек прислонился к стене – ему явно плохо. Дала валидол, довела до скамейки, благо, сквер рядом, прошу прохожих: «Вызовите скорую!». (Сотовые тогда еще далеко не у каждого.) Он смотрит и едва слышно говорит: «Эх, деточка... Ведь сегодня – полвека... Это же мы, мы – 2-я Гвардейская, войну тогда выиграли... И никто, никто не знает...»

– Я знаю.

Он говорит с трудом, и в глазах боль и уже наплывающая пленка:

– Откуда тебе знать...

– Я – знаю. Я – дочь вашего командарма.

И в эту самую минуту из ближнего двора выезжает Скорая. Машу рукой; машина оставилась, оказалось – свободна. Увезли.

Так я и не знаю, помогла ли ему так счастливо подоспевшая попутная бригада. И не знаю имени того солдата 2-й Гвардейской армии. Бог весть, услышал ли он меня, понял ли, что я ему сказала, или его только напугал черный силуэт в метели – черное, до полу, пальто...

Киношный, абсолютно неправдоподобный эпизод – и всё же чистая правда. Если бы не та минута – между жизнью и смертью – я бы и слов таких никогда не произнесла: «дочь командарма». Раз и навсегда я усвоила с самого раннего детства единожды сказанное: «То, что ты моя дочь – сто двадцать пятое дело. Самой надо постараться. И стать человеком». Я – в меру разума – старалась.

Продолжение следует...

1998, 2014, 2015

Одержано 9.10.2015.

⁸⁷ Василий Филиппович Герасименко (1900–1961) – генерал-лейтенант. С сентября 1942 г. по декабрь 1943 г. командовал 28-й армией, отличившейся при взятии Ростова.

⁸⁸ Василий Афанасьевич Хоменко (1899–1943) – генерал-лейтенант. С 21 ноября 1942 г. командовал 44-й армией. Погиб 9 ноября 1943 г. на переднем крае при обстреле его машины, вследствие чего армия была расформирована.

⁸⁹ Георгий Фёдорович Захаров (1897–1957) – генерал армии (1944). В феврале 1943 г. командовал 51-й армией Южного фронта.

⁹⁰ Яков Григорьевич Крейзер (1905–1969) – генерал армии (1962), Герой Советского Союза. 2 февраля 1943 г. принял от Р.Я. Малиновского 2-ю Гвардейскую армию, освободившую Новочеркасск и принявшую участие во взятии Ростова. По окончании этой операции Крейзер получил звание генерал-лейтенанта ордена Суворова 2-й степени.